

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ИГОРЬ ШЕНГАЛЬЦ СЫЩИК БРЕННЕР

...Начало XX века. Великая империя Руссо-Пруссия – союз немецкой исполнительности и российской смекалки – совсем недавно обрела могущество, сумев выбиться в мировые лидеры. У империи появилось много врагов, как явных, так и тайных.

Кирилл Бенедиктович Бреннер – бывший имперский десант-риттер, ныне частный сыщик по найму. Он живет с девушками-близняшками и не любит вспоминать прошлое. Его очередное задание – поиски пропавшего малолетнего сына графини С., жертвы серийного убийцы, терроризирующего город, – приводит к неожиданным результатам. Выясняется, что с поимкой преступника-маньяка история только начинается, и Бреннер волею судеб оказывается втянут в новое, смертельно опасное расследование...

Игорь Шенгальц

Сыщик Бреннер

Все персонажи вымышлены, любые совпадения случайны. Автор благодарит Алексея Мотылева и Ольгу Митюгину за неоценимую помощь при создании книги.

Добро – это не намерение действовать, а само действие.

Джон Фаулз

Будущее должно быть заложено в настоящем.

Георг Лихтенберг

I. Дагеротипист

Я не любил убивать. Но иногда это было необходимо.

Когда на меня навалился всей своей массивной стопятидесятикилограммовой тушей Жорик – манияк, похититель детей и серийный убийца, – схватил мою шею своими толстыми, мясистыми, похожими на сардельки пальцами и начал душить, я, ни секунды не сомневаясь, всадил ему нож-бабочку в жирное брюхо и бил снова и снова, пока Жорик конвульсивно не задержался, доживая последние мгновения. Только затем я с большим трудом столкнул его тело с себя на холодные плиты пола и сумел выдохнуть.

Жорик был мертв, а я не знал, радоваться мне или печалиться. Преступник наконец пойман и уничтожен, но ни одной его жертвы мне спасти не удалось.

К тому же, по закону, я должен был произвести гражданский арест и тут же позвонить барон-капитану Мартынову или хотя бы начальнику криминального сыска Семенову, тем более что доказательств причастности Жорика к убийствам, заставившим Фридрихсград содрогнуться, теперь хватало с лихвой. Но я этого не сделал, я зарезал его без суда и следствия и ничуть об этом не жалел...

Подвальное помещение, где я обнаружил тайное логово манияка, было завалено многочисленными снимками жертв во всех возможных ракурсах до и после убийств.

В своей жизни я повидал много страшного, но эти карточки с искаженными страданиями детскими лицами даже у меня вызвали спазмы в горле. Нет, гаду, который долгие годы успешно притворялся добряком-дагеротипистом, а на деле оказался кровавым и жестоким убийцей, еще повезло. Если бы я не сгруппил и не дал застать себя врасплох, то мучиться бы ему пришлось куда дольше. Императорский суд до сих пор, несмотря на многочисленные жалобы прогрессивной части сограждан, не отменил пытки как особый вид дознания, только обязал присутствием в пыточной камере доктора, который следил бы за тем, чтобы испытуемый не издох раньше срока. Так что я, по сути, подарил ему легкую смерть, за которую он должен быть мне благодарен.

Я поднялся на ноги, брезгливо поглядывая на труп. Этот человек, такой жизнерадостный и улыбчивый при жизни, сейчас напоминал сдувшийся бычий пузырь. Смерть заострила черты его лица, от улыбки остался хищный оскал, а крови из ран натекло столько, что вокруг тела уже образовалась изрядная лужа.

К счастью, я запачкался не слишком сильно – кровь вообще плохо отстирывается, а кровь мерзавцев – тем более. Видно, ее состав какой-то особо гадкий.

Я достал переговорник – невероятное изобретение, позволявшее связаться с кем угодно в пределах города при наличии второго такого же аппарата у абонента. Переговорники пока имелись далеко не у каждого – мне аппарат достался в качестве презента от нанимательницы, желавшей в любое время дня и ночи интересоваться ходом дела, – но уж у начальника Департамента полиции на рабочем столе всегда стоял стационарный аппарат. Я знал это точно, так как время от времени связывался с барон-капитаном, чтобы подбросить очередное полено в костер полицейских расследований.

– Мартынов у аппарата! – раздался скрипящий, тяжело различимый за сторонними шумами голос барон-капитана. Начальник ответил быстро: переговорники были еще настолько редки, что ими пользовались только по важным причинам.

– Это Бреннер, у меня труп. Тот самый серийный убийца, которого вы искали. А я

нашел. Диктую адрес! Записываете? Малый Липовый переулок, дом пять, подвальное помещение, вход со двора. Как поняли?

Мартынов молчал, переваривая услышанное. Только хрипы и неясные посвисты раздавались в ответ. Нет, создателям аппарата еще работать и работать...

— Бреннер, — наконец заговорил барон-капитан. — Если это какая-то шутка с твоей стороны, то я...

— Да какие могут быть шутки?! — возмутился я. — Меня наняли искать, я расследовал и нашел. Все доказательства на месте. Высылайте криминальный сыск, я не намерен сидеть здесь до конца дня.

— Смотри мне! — угрожающе прохрипел Мартынов и отключился.

Барон-капитан не обладал чувством юмора, поэтому крайне не любил шутников, а уж меня выделял особо. И что уж скрывать, время от времени наши интересы сталкивались, так что он вполне мог ожидать с моей стороны любой пакости...

Я неспешно обошел подвал, оглядывая стеллажи с толстыми конвертами, в которых находились дагеротипные снимки жертв и некоторые личные вещи несчастных, бережно хранимые Жориком. В центре помещения стоял широкий пыточный стол со свисающими с двух сторон кожаными браслетами-захватами и ремнями креплений, которыми маниак надежно фиксировал свои жертвы перед тем, как приступить к делу. На столе грудой валялись старые пластинки, а патефон стоял на передвижной тележке чуть поодаль. Там же, аккуратно, в рядок, были выложены медицинские инструменты. И самые дикие крики не могли пробиться наружу из той части подвала, где негодяй оборудовал зал для желающих сделать снимок-другой на память.

Мне очень повезло, что я наткнулся на это логово. Вышло все случайно, поэтому я не захватил с собой оружия, кроме ножа, всегда лежавшего у меня в кармане.

До приезда группы оставалось не меньше четверти часа, как бы они ни спешили. Если воспользоваться одним из пяти новеньких мехвагенов, недавно поступивших в ангар Департамента, то можно сэкономить минут пять-шесть, но Мартынов мехвагены берег, не разрешая портить их попусту. А тут куда торопиться? Труп уже не сбежит, как и я. Можно прибыть и по старинке, на полицейской карете.

Позади внезапно раздался странный шорох, от которого у меня мороз по коже пробежал. Я резко обернулся и замер на месте.

Мертвец уже не лежал там, где я его оставил. Он успел подняться и медленно шел прямо на меня, слегка шаркая ногами по каменному полу.

Кровь из брюха у него больше не текла, зато вместо нее на пол капала изумрудная слизь. Бессмысленные глаза Жорика были широко распахнуты. Зрачки невероятно расширились и почернели.

Существо вытянуло руки и вновь зашаркало вперед, всем своим видом напоминая классического зомби, каких изображают иллюстраторы в бульварных книжонках. В мистику я нисколько не верил, поэтому вновь вынул нож и замер, выжидая. Сумел убить его один раз, сумею и во второй.

— Э-э-э!.. — вдруг протяжно затянуло это нечто, потом замолкло, словно испугавшись звуков своего голоса, но тут же продолжило с новой силой: — Э-э-э!..

Движения его стали быстрее, осмысленнее. Изумрудная слизь почти перестала сочиться из ран, зрачки постепенно приходили в норму. Еще чуть-чуть, понял я, и мерзавец воскреснет окончательно. А этого допустить я не мог.

Перестав сомневаться, в два прыжка я оказался рядом и вновь погрузил нож по самую рукоять в его необъятное пузо.

– Э-э-э?! – недовольно провозгласил он и попытался ударить меня, но я ловко увернулся и вновь ткнул его ножом, а потом еще и еще раз, снова и снова, стараясь уничтожить наконец эту тварь, которая человеком не являлась.

Вновь потоком хлынула кровь, на этот раз вместе со слизью. Жорик упал на одно колено, но все тянул и тянул ко мне руки.

Раскладной нож-бабочка – он же балисонг – незаменимая вещь в любых сложных ситуациях. С десятого удара я наконец зацепил какой-то жизненно важный орган этого существа. Упырь повалился лицом вниз, в последний момент чуть было не схватив меня за щиколотку. Очередные конвульсии возвестили о том, что я вновь победил в бою. Вот только надолго ли?..

На этот раз я действовал иначе. Пока это затихло без движения на полу, я быстро освободил пыточный стол от всего лишнего и, собравшись с силами, сумел водрузить его грузное тело на гладкую металлическую поверхность. Руки и ноги закрепил браслетами, а саму тушу пристегнул вдобавок двумя ремнями. Теперь даже если тварь вновь очнется, то уже не сумеет пошевелиться. А там и группа Семенова прибудет. Они и так отчего-то задерживались. По моим подсчетам, группа должна была появиться несколько минут назад.

На этот раз я полностью сосредоточил свое внимание на мании, поэтому не пропустил момент, когда через пару минут он опять открыл пожелтевшие глаза, а по телу его пробежала волна легкой дрожи. Но ремни и браслеты держали крепко, и все, что Жорику оставалось, это слегка взволнованно повторить:

– Э-э-э!..

– Лучше помолчи, – посоветовал я, на всякий случай все же чуть отступив назад. – Все равно не поможет. Сейчас прибудет кавалерия, и ты отправишься в кутузку. А оттуда, знаешь ли, не так просто выбраться! Так что успокойся и прими свою судьбу.

Маниак замолк на некоторое время, но я видел, как перекачиваются под толстым слоем жира его мышцы. Он собирался с силами, и мне это очень не нравилось.

– Замри и не двигайся! – приказал я. – А то опять порежу! Я могу тебя резать долго, мне это доставит удовольствие. Если же вдруг станет противно, то я тут же вспомню лица всех тех детишек. Я все их помню, до последнего. А ты их помнишь?

– М-э-э-э-н-э-э и-и-идти-и-и! – с трудом выговорил Жорик.

– Куда это ты собрался? – искренне удивился я. Даже от дважды труп я не ожидал такой откровенной наглости. – Лежи и не дергайся!

– На-а-адо-о-о-о и-и-идти-и-и! На-а-адо-о-о-о! Ты-ы-ы не-э-э по-о-он-и-ма-а-а-е-э-эш!

Я промолчал. Еще не хватало вступать с убийцей в пререкания. Он тоже умолк, закрыл глаза и глубоко задышал.

Надо сказать, в подобную переделку я попал впервые. Нет, преступников я ловил и раньше, да и убивал многих собственными руками, что уж скрывать. Но вот чтобы они после этого воскресали, да еще два раза кряду, такого прежде не случалось.

Жорик затрещал. Я сначала и не понял, что происходит. На мгновение я испугался, что не выдержали ремни и он сейчас освободится от оков, а мне вновь придется бить его ножом.

Но дело оказалось в другом. Трещали не ремни, трещало само Жориково огромное тело, трещало и расходилось, словно по слабым швам.

Просторная пестрая, заляпанная кровью рубаха, в которую он был одет, лопнула на

груди, и обнажилось тугое, как барабан, круглое пузо. От пупа до грудины чернела темная линия надреза, а по бокам я увидел следы своих ударов, уже почти заросшие и зажившие.

Вот по этой-то линии туша и расплзлась, открывая моему взору свое омерзительное содержимое.

И вдруг, в одно мгновение, произошли сразу три вещи. Во-первых, туша наконец окончательно разошлась, во-вторых, в тот же миг у Жорика лопнула голова, забрызгав все вокруг серо-розовыми мозгами и кровью, а в-третьих – из недр мертвого тела появилось странное существо.

Внешне оно напоминало человеческий хребет с восемью конечностями. Там, где у обычного человека находится крестец и копчик, у этого создания была маленькая заостренная голова с узкими глазками и маленьким хищным ртом. Четыре конечности служили ногами, а четыре оставшиеся заканчивались острыми крюками-захватами.

Все это я заметил как-то сразу, успев бросить на создание лишь один-единственный взгляд, потому как в ту же секунду оно сорвалось с места и стремительно бросилось к выходу.

Я кинулся следом, но поскользнулся в растекшейся на полу луже, упал и сильно ударился головой. Прошло с полминуты, пока я наконец не пришел в себя и не попытался подняться, но при этом все время скользил.

Существо между тем давно скрылось в соседнем зале, где находилось рабочее помещение.

Я барахтался на полу, пытаюсь обрести равновесие, весь перепачканный в крови и слизи, ошарашенный и потрясенный, с ножом в руках, а на столе с распахнутой настежь грудной клеткой и свисающими лентами кишок лежало распотрошенное тело без головы и хребта, закованное в браслеты и зафиксированное лентами-захватами. В этот самый момент раздался топот и в подвал, воинственно ошестинившись ручными пулеметами, влетела группа быстрого реагирования.

Бойцы тут же рассредоточились по залу, наведя на меня оружие. Но я их прекрасно понимал. Не каждый день удастся лицезреть столь мрачную картину, достойную кисти художника-сатаниста.

Все, что мне оставалось, это нервно засмеяться, надеясь в глубине души, что меня не застрелят прямо тут, на месте.

Но глава криминального сыска – риттер [□](#) Семенов – вовремя узнал меня. Повинуясь его жесту, остальные опустили оружие, впрочем сделав это медленно и с явной неохотой.

– Бреннер, опять ты в своем репертуаре! – Семенов недовольно покачал головой, а я в это время попытался встать, хотя ноги отчаянно скользили, разъезжаясь в изумрудно-красной жиже.

– Вот честное слово, хоть убей меня, я ни в чем не виноват!

Семенов лишь недоверчиво взглянул на меня и вновь покачал головой.

– Посмотрим, что на это скажет барон-капитан. Умойся сначала, а то вид у тебя тот еще... ты едешь с нами!..

II. Интервью

– ...Джордж Лири Уорфилд, он же Джордж-Сделай-Снимок, он же Жорик, уроженец Островного Королевства, эмигрировал в Руссо-Пруссию пять лет назад. Проверялся эмиграционными службами, но ничего порочащего обнаружено не было. Зарабатывал на жизнь изготовлением дагеротипов. Не женат, детей нет. В полицейских сводках не фигурировал. Имеет два счета: в Первом Национальном Руссо-Прусском банке и в филиале банка «Корона». Номера счетов... Выписки... И зачем вы, Бреннер, убили этого человека, более того – фактически расчленили его? Неужели не могли дождаться группы Семенова?!

Никогда прежде я не видел барон-капитана в таком гневе. Усы его топорщились, словно наэлектризованные, губы сжались в тонкую линию, он то и дело стучал кулаком по столу, а глаза метали молнии. В общем и целом Мартынов сейчас представлял собой фигуру весьма грозную, вот только я не находился в его подчинении, да и вообще ни в чьем подчинении, кроме своей воли и разума, поэтому мог легко проигнорировать любые выкрики и постараться прийти к разумному компромиссу.

– Понимаете ли, Роберт Константинович, у меня не было выбора. Он напал на меня и намеревался убить!

– Привязанный к столу? – изумленно приподнял левую бровь Мартынов. – Убить? Не кажется ли вам, Бреннер, что вы что-то недоговариваете?!

Он был абсолютно прав. Я ничего не рассказал ему о существе, вылезшем из тела Жорика. Во-первых, барон-капитан все равно бы не поверил, а во-вторых, я и сам до сих пор не был уверен, что все произошедшее мне попросту не привиделось. Хотя факты говорили об обратном. Нет, для начала дайте время мне во всем разобраться, а потом требуйте отчета. Тем более что я вам, господа полицейские, и не подчиняюсь вовсе. А средства на оплату своих привычек добываю исключительно собственным умом и силами. Поэтому нечего пытаться загнать меня в угол и давить. Нет уж, лучше оставьте меня в покое!..

– Хорошо. – Мартынов внезапно сменил угрожающий тон на ласковый, что заставило меня насторожиться еще сильнее. – Я понимаю, вы, Кирилл Бенедиктович, попросту не совладали с эмоциями. Это логично и естественно. Маниак пойман, доказательства, как говорится, налицо... Знаете, я бы тоже не сдержался... Все эти убиенные детки... Порезал бы мерзавца на ремни! И правильно, что вы так поступили. Пусть не по закону, но по совести! Напишите чистосердечное признание, и я отпущу вас домой. Только пообещайте не покидать пределы Фридрихсграда, пока все не успокоится. Слово офицера! И на суде скажу, что вы выступали в качестве нашего агента. А то, что убили мерзавца... так кто бы сдержался?! Устраивает?

Я осознал, что положение у меня угрожающее. Застигнут на месте преступления, с оружием в руках. Кто поверит в странное существо, сбежавшее за минуту до появления сыщиков?.. Никто, и будут правы. Я бы на их месте тоже не поверил.

– Да, – вынужденно кивнул я. – Давайте бумагу.

Мартынов подвинул ко мне стопку листов и чернильницу, но сам не отрываясь смотрел мне в лицо. И, когда я начал писать, не выдержал:

– Бреннер, послушайте, я вас давно знаю, вы кто угодно, но не хладнокровный убийца. Даже в подобном экстраординарном случае. Но и меня поймите, я вас и сейчас-то отпускаю исключительно потому, что уважаю, как бывшего солдата, прошедшего огонь и воду. Много

наших тогда полегло, а мы устояли... А сбежите, так и у меня голова полетит. Верите?

– Верю! – буркнул я, старательно выводя готические буквы чертова дойчева алфавита.

– Постарайтесь уж, – вполголоса добавил барон-капитан, наблюдая за тем, что я пишу, – не подвести меня...

Я только кивнул, понимая, что Мартынов убежден в том, что маниака убил я. И все его чувства и двадцатилетний опыт службы в полиции приказывали ему сунуть меня в камеру и держать там взаперти. Но он еще помнил, как во время войны мы выбрасывались с десантом из дирижаблей, в запечатанных намертво капсулах прямым в гущу сражения, не зная, что ждет нас там: мгновенная гибель или вечная слава. Нам повезло, мы выжили. Однако боевое братство так просто не стиралось из памяти.

Поэтому я дописал свое чистосердечное признание, в коем поведал, что именно от моей руки погиб убийца, и барон-капитан отпустил меня на все четыре стороны под честное слово бывшего десант-риттера кайзер-императорской армии. Хотя, как известно, бывших военных не бывает. Все мы до сих пор мысленно где-то там, на полях былых сражений...

– Прошу не информировать никого из заинтересованных лиц о факте умерщвления Уорфилда. Это понятно?

Я кивнул, но с небольшим сомнением во взгляде. Понятно мне было все – дальше некуда. Вот только моя нанимательница – графиня С. (полное имя ее я не вправе разглашать – профессиональная этика) должна точно знать, что с этим гадом покончено навсегда.

Снимки ее пропавшего сына я обнаружил почти сразу, роясь в вещах дагеротиписта. Бедная графиня, теперь ей больше не на что надеяться. То, что сотворил с несчастным ребенком Жорик (или же существо, обитавшее в нем), было превыше человеческого понимания. Меня однажды спросили: есть ли что-то в твоей работе, что до сих пор вызывает рвотные позывы? Да, эти снимки несчастного мальчика вызывали у меня рвоту раз за разом, пока я совершенно не обессилел. В тот-то момент, кстати, и подловил меня Жорик, чуть не отправив к праотцам.

– Можете сделать неофициальное заявление в узком кругу, – правильно понял мои размышления Мартынов. – Но не больше! И если этот ваш репортер хоть слово напишет в своей жалкой газетенке – посажу и вас, и его!

Я вновь кивнул, теперь уже без капли неуверенности. Мне невероятно повезло, что это дело держал под личным контролем именно барон-капитан. Окажись на его месте кто-то другой, и я вряд ли отделался бы столь абстрактным отсроченным наказанием. Как минимум – сидеть бы мне за решеткой в ожидании справедливого решения суда. А тут – свобода, пусть условная и весьма ограниченная, но все же... А репортер, о котором он говорил, – мой давний друг и товарищ Грэг Рат, служивший в «Городских новостях» – ежедневном информационном листке, пользовавшемся изрядным спросом у населения.

– Я могу идти?

– Свободны, Бреннер. Пока свободны...

Не успел я покинуть здание, как не к ночи помянутый Грэг выскочил словно чертик из табакерки и, схватив меня за лацкан пиджака, потащил за собой. Я не сопротивлялся, все равно мне нужно было обдумать произошедшее, а лучшего собеседника, чем ушлый репортер, знающий все и обо всех, найти было сложно. Каким образом Грэг успел пронюхать о том, что появились свежие жареные факты, я и знать не хотел – это его работа, а он – лучший в городе.

Мы зашли в ближайший трактир, и Грэг повелительно махнул рукой половому. Тот подскочил к нам, почтительно склонившись, и выслушал заказ. Уже через несколько минут на столе перед нами стоял графинчик с водкой, разносолы и прочая закуска, да в таком количестве, что можно было бы накормить всю группу Семенова, если бы они пожелали присоединиться к нашей трапезе.

Я налил стакан до самого верха и опустошил его одним долгим глотком. Закусывать не стал.

Пищевод обожгло, но тут же пришло облегчение. Рат посмотрел на меня своими умными, хитрыми лисьими глазками из-за круглых очков, но комментировать мое поведение не стал. Себе он налил водки на два пальца, быстро выпил, закусил маринованным помидором, шумно выдохнул и только тогда, чуть откинувшись на спинку стула, спросил:

– Совсем плохи дела?

– Хуже не бывает, – кивнул я, раздумывая, не наполнить ли стакан вновь.

– Сейчас горячее принесут. Вид у тебя – краше в гроб кладут. Подкрепиться надо, а потом домой, в ванной отлежаться, в себя прийти.

– Я его взял.

– Маниака? – Грэг тут же забыл о своем предложении разойтись, вытащил блокнот и карандаш и придвинулся ближе, готовый жадно впитывать каждое мое слово.

– Да. Все получилось случайно. Мне поступила информация, что родители одной из жертв незадолго до похищения заказывали несколько дагеротипов для всей семьи. Вот я и решил переговорить с мастером, узнать, вдруг он заметил в процессе работы что-то подозрительное. Мне бы стоило вспомнить, что и в домах у некоторых жертв я видел свежие карточки, но тогда я не придавал этому никакого значения. Дагеротипы заказывают многие, это сейчас в моде. И вот я пришел к нему в ателье с целью задать несколько вопросов...

Я все же налил себе водки, заново воскрешая в памяти недавние события и интерьеры. Стертые ступени, ведущие в подвал, заросший плющом вход с некогда яркой, но сильно уже выцветшей вывеской, первый рабочий зал, заставленный оборудованием, креслами и пуфиками для посетителей, белая фоновая ширма и несколько других ширм, с нарисованными разнообразными пейзажами – заказчикам такое нравится, – тяжелые бордовые портьеры до пола, разделявшие помещение на несколько частей, местами осыпавшаяся лепнина и высокий стул для клиентов. В углу – светоотражатель и штатив с подвижным зажимом, предназначенный для фиксирования головы клиента в одном положении. Но за последний год техника дагеротипирования ушла далеко вперед, и новые аппараты работали быстрее. Уже не требовалось по полчаса сидеть на стуле в одном и том же положении, чтобы снимок удался. Теперь на все хватало пять-семь секунд, а такое мог выдержать даже ребенок. Поэтому появилась мода и на детские карточки.

Грэг терпеливо ждал, не мешая мне вспоминать.

– Дверь оказалась открыта, хотя внутри никого не было. Я решил подождать владельца и между делом обошел помещение. Там-то, за дальней ширмой, я и обнаружил скрытую от случайных взоров секретную дверь...

– Кира, зная тебя, готов биться об заклад, что ты не смог пропустить подобное.

– Не смог, – согласился я. – Там был хитрый замок, но минут за пять я с ним справился. Стены в том, втором, зале были настолько толстыми, да еще и специально оббиты звукоизолирующим материалом, что даже самые громкие крики и призывы о помощи снаружи слышны бы не были...

Я вновь и вновь воскрешал в памяти жуткий подвал.

– И что ты нашел в том втором зале? – не выдержал Грэг моего затянувшегося молчания.

– Операционный стол, который он использовал для пыток. И десятки конвертов с сотнями, тысячами снимков... а на снимках – дети. Он их пытал, ужасно пытал...

Грэг сам налил мне еще выпить, я глотнул водку, не ощущая ее вкус. Грэг выпил тоже.

– Что ты с ним сделал? Убил? Поэтому тебя забрал Мартынов?

– Убил. – Я почувствовал, что наконец слегка опьянел. – Целых два раза убил! А в третий раз он убил себя сам...

– Кира, ты в порядке? – Грэг озабоченно попытался заглянуть мне в глаза.

Я подумал было, а не выложить ли мне ему все до конца, но потом вспомнил то существо, жившее в теле Жорика, и отказался от этой идеи. Ведь оно и сейчас где-то рядом, в городе. Может, оно уже нашло себе новую жертву и подселилось в нее. Да, так я и буду называть это существо – подселенец. И мне предстояло отыскать его и уничтожить. Я не мог просто взять и забыть, не после того, что оно сделало с теми несчастными детьми.

– В порядке. Интервью закончено. Кстати, Мартынов сказал, что, если обо всем произошедшем в прессу просочится хоть слово, он лично нам головы оторвет.

– Ничего, – отмахнулся Грэг, – я придумаю, как это обставить. Комар носу не подточит!

Я вытащил из внутреннего кармана портмоне и вручил подошедшему половому десятку.

– Две бутылки с собой!

Сегодня мне предстояло напиться до бессознательного состояния, ведь завтра первым делом я должен предстать перед графиней С. с отчетом. И уже сейчас представлял себе, как это будет тяжело. Даже моя тренированная нервная система давала сбой. А безумия вокруг и так хватало.

III. Близняшки

Женская рука ласково коснулась моего лица, едва ощутимо проведя сначала по бровям, затем по переносице, по щекам и скулам, смахивая усталость и остатки опьянения. Вчера я сдержал слово и крепко напился. Так, что с трудом помнил окончание вечера. Извозчик довез меня до дома, в дороге я задремал, а как добрался до постели, не помнил вовсе.

Но, очевидно, своей цели я все же достиг, потому что, лишь открыв глаза, я увидел привычный потолок спальни, а рядом на кровати сидела Лиза и улыбалась.

– Что господин желает: стопочку или стакан рассола? – Тщательно имитируя вятский говор, она склонила голову в шутовском поклоне.

Кажется, Лиза провела рядом со мной всю ночь, но я этого совершенно не помнил.

– Порошок лечебный разведи мне, будь столь любезна, спасительница, – вяло отшутился я, в то же время тщательно прислушиваясь к внутренним ощущениям. Оказалось, что все не так плохо. Голова была тяжелая, но мысли бежали бодро. Жить буду.

– Говорят, салициловая кислота плохо влияет на организм. У тех, кто слишком часто ее принимает, наблюдается тошнота, а некоторые пациенты даже впадают в кому! Как я слышала, от похмелья лучше всего помогает народное средство. Нужно взять кору и листья ивы, перетолочь их в ступке, залить кипяченой водой и в таком виде принимать... А еще...

Лиза, продолжая щебетать, не забывала и действовать. Она встала, скинув простыню на пол, обнаженная и прекрасная, потянулась всем своим сочным молодым телом, краем глаза следя, наблюдаю ли я за ней, и только потом, довольная, что я все вижу и правильно оцениваю, высыпала пакетик с порошком в стакан, залила его водой, аккуратно перемешала и подала мне. Я тут же выпил все до последней капли и откинулся на подушку. Скоро боль уйдет полностью, это проверено многократно. Но воспоминания о вчерашнем дне все равно останутся.

То существо. Где же мне искать его? Я знал точно, что мне не померещилось. И пусть подобных созданий я прежде не видел, но, получается, они существуют. В своем рассудке я не сомневался.

– А где Петра? – поинтересовался я.

– Завтрак готовит, – весело улыбнулась Лизка. – Надо же нам кормить своего господина и повелителя!

С этим спорить я не собирался. Повалявшись еще пару минут в мягкой постели, я направился в туалетную комнату. Контрастный душ я терпеть не мог, поэтому ограничился обычным умыванием. И через пятнадцать минут был как новенький. К тому времени и порошок подействовал, головная боль прошла, лишь в висках еще слегка стучало.

Мои девочки – Лиза и Петра, сестры-близняшки двадцати двух лет от роду, – уже сидели за накрытым столом и ожидали меня, одетые в домашние деревенские сарафаны до пят – в последнее время они придерживались «народной» моды, – целомудренные с виду, но я-то знал, что под сарафанами девушки ничего не носили.

Я сошелся с ними с год назад, когда бывшие институтки, сиротки, в силу ряда причин внезапно оказались на улице без малейших средств к существованию. Вот в этот сложный период своей жизни они и встретились мне одним дождливым осенним вечером.

История нашей встречи была банальна, как пьяный удар ножом в трактире. Девочек попытался прибрать к рукам Виктор – местный сутенер, но, на его беду, мне в тот вечер не

сиделось в четырех стенах. В итоге Виктор отделался сломанной рукой и челюстью, но остался жив, за что потом искренне благодарил, а девочки переехали жить в мой дом.

Да, несмотря на низкую доходность работы, у меня все же имелся собственный двухэтажный особняк, доставшийся по наследству от родителей, в достаточно спокойном районе. Первый этаж я использовал под рабочее пространство – там находилась приемная, небольшая библиотека и кабинет, а второй – жилой, его я предоставил сестрам в полное владение, оставив себе лишь родительскую спальню.

От сестренки я ничего не требовал, живут и пусть живут, места хватает, но они как-то внезапно взяли бразды правления в собственные руки. Вскоре дом сиял чистотой, которой он не видел уже лет пятнадцать, с самой смерти родителей. Слуг я не держал, время от времени пользуясь услугами приходящих уборщиц. Поэтому дом преобразился – настолько он обновился, очистившись от пыли, заблестев свежeweымытыми стеклами и натертым паркетом. А уж как сестры готовили! Пальчики оближешь!

Интимная же наша жизнь также началась по их личной инициативе. Клянусь, я не принуждал ни одну из них к близости и даже в мыслях этого не держал. Но однажды вечером в мою спальню пришла Лиза, а на следующий вечер – Петра.

Близняшки, похожие как две капли воды лицами, были разные, как день и ночь. Лиза – солнечная, скорее рыжая, чем русая, обладала веселым, живым характером, много смеялась и болтала, даже когда этого не требовалось. Петра же характер имела мрачный и предпочитала красить волосы в радикально черный цвет, говорила мало, но в постели оказалась необычайно темпераментной и страстной, видимо компенсируя этим свою обычную нелюдимость.

Признаюсь, в те дни я был слегка шокирован происходящим. Нет, я вовсе не относился к числу пуритан и на общественное мнение мне было глубоко наплевать, но жить сразу с двумя, как с женами, – это даже мне казалось несколько чересчур. Но сестры убедили меня, каждая по-своему, что волноваться совершенно не о чем и что это исключительно их личный выбор, а уж мое дело – принять его или отвергнуть и выставить их из дома. Разумеется, выгонять их я не собирался.

Так и повелось с тех пор. Спать ко мне они приходили по очереди, совершенно не ревнуя меня друг к другу. Но никогда этого не случалось у нас вместе, втроем. Таковы были их не высказанные вслух условия, которые я принял.

Яичница с беконом, посыпанная зеленым лучком, пара бутербродов с сыром, большая кружка кофе и стакан яблочного сока – такой простой, но вместе с тем вкусный и сытный завтрак меня ждал.

– Приятного аппетита! – хором пожелали близняшки, и мы принялись за еду.

Петра, как и обычно, ела молча, тщательно пережевывая каждый кусочек, а Лизка болтала не переставая, при этом не забывая отдавать должное и завтраку. Я сегодня тоже больше помалкивал, лишь иногда поддакивая очередной Лизиной сентенции.

Предстоящий разговор с графиней С. занимал все мои мысли. Я так и не привык сообщать матерям о гибели их детей. Реакция могла быть совершенно непредсказуемой: от полной апатии до внезапного решения покончить с собой. Я давно подумывал о том, что подобные известия не должен приносить такой, как я, – большой и грубый тип, которого легче представить в казарме с оружием в руках, чем в роли осторожного утешителя. Нет, для этого должны существовать специально обученные люди – мозгоправы. Известия подобного толка обязаны подаваться со всей деликатностью, а мозгоправы при этом пусть тщательно

следят за несчастными и если вдруг почувствуют потенциального самоубийцу, то сразу же вызывают карету «скорой помощи». Хотя с такими высокопоставленными особами, как графиня С., подобный номер не пройдет. Охрана попросту не пропустит посторонних на территорию особняка, и помешать совершить суицид никто не сможет. С другой стороны, право каждого умереть так, как он сам считает нужным.

– Мы хотим купить кота! – внезапно пробилась сквозь мои размышления Лиза.

– Кота? – удивился я.

– Да! Толстого, хорошего кота! – звонко засмеялась Лизка, и даже Петра улыбнулась, сверкнув белоснежными зубками – словно лучик солнца проник между портьерами. – Ты ведь разрешишь нам? Ну пожалуйста!

– Зачем вам кот? – Я все не мог сообразить, шутка ли это либо они всерьез.

– В доме нельзя без кота, – пояснила Петра, а Лиза тут же добавила:

– Он будет ходить весь такой важный, а мы будем его кормить.

– И где вы его возьмете? Только не с улицы! – Я живо представил себе уличного кота – облезлого ветерана сотен боев, готового драться за кусок мяса даже со стаей собак и при этом побеждать. И такой монстр будет жить в моем доме?!

Видно, что-то мелькнуло на моем лице, потому что Лиза всплеснула руками и воскликнула:

– Нет, ну что ты, мы же возьмем кота маленького! Котенка. И вырастим его. А важным и пушистым он станет лишь когда-нибудь. В будущем! Можно?! Пожалуйста! Ну, Кира!

И даже Петра умоляюще смотрела на меня. Кто я такой, чтобы отказывать им в этой просьбе?..

– Хорошо, купите кота, – кивнул я, и тут же сестренки подскочили со своих мест и, радостно повизгивая, бросились мне на шею, целуя с двух сторон. Да за такое удовольствие я готов был купить им десяток котов, пару собак и даже кенгуру в придачу!

– Ты мрачный сегодня! – утвердительно сообщила мне Лиза спустя пару минут. – И вчера напился. Что-то случилось?

Еще не хватало делиться с девочками своими проблемами, поэтому я лишь неопределенно пожал плечами, надеясь в душе, что ушлый Грэг Рат не выложил уже всю историю в своей газетенке. Впрочем, сестры новостями не слишком интересовались, разве что те касались лично меня.

– Все в порядке, просто устал. Тяжелые дни.

– Это как-то связано с пропавшими детьми?

Улыбки исчезли с их лиц, словно художник одним быстрым движением замазал свой шедевр.

– Не будем об этом, – ушел я от темы, понимая, что даже если Лиза и отстанет с вопросами, то Петру так легко не провести. – Какие у вас планы на день?

Лиза, как я и предполагал, тут же переключилась на дела текущие:

– Мы хотели немного прогуляться по парку, а потом отправиться в салон Гертруды. Говорят, у нее появилась новая сногшибательная коллекция шляпок! Очень любопытно поглядеть... И затем мы будем искать кота! Есть два места, где их продают: рынок на Старой площади и лавка господина Птичкина. Мы заглянем и туда, и туда. Нам нужен самый лучший кот на свете!..

Пока Лиза рассказывала, Петра пристально смотрела на меня. Я же старательно делал вид, что полностью увлечен историей про кота, и все ее взгляды попросту игнорировал. Но

отчего-то был уверен, что этим вечером в мою спальню придет именно она и от вопросов мне будет уже не отделаться.

– Лизка, если ты принесешь мое портмоне, да еще и захватишь пиджак из спальни, то я смогу дополнительно субсидировать покупку лучшего кота на свете...

Она, не дослушав, тут же сорвалась с места и бросилась в мою комнату, я лишь успел крикнуть вслед:

– И переговорник захвати со стола, будь так любезна!

Петра все давила меня взглядом, но я был не в том настроении, чтобы объясняться, и она, к счастью, это поняла.

Лиза вернулась через пару минут, держа в одной руке пиджак, а в другой – переговорник, который преотвратно поскрипывал сигналом срочного вызова.

Я повернул рычажок на соединение и приложил ухо к мембране.

– Бреннер слушает!

– Говорит графиня С., – услышал я знакомый голос моей нанимательницы. – Кирилл Бенедиктович, я уже все знаю. Хотела поблагодарить вас за проведенное расследование. С отчетом можете не являться, мне уже все доложили в подробностях. – Голос ее дрогнул, но аристократическая порода взяла свое, и графиня продолжила: – Я увеличила ваш гонорар в два раза, чек вы получите сегодня же до обеда. Спасибо, что вы покваитались за моего несчастного Мишеньку. Благодарю вас и прощайте!..

Хрипы в мембране оповестили меня, что разговор прерван. Вот так все вышло. Самую трудную часть работы – сообщить графине о смерти сына – выполнили за меня. Я и не сомневался, что у нее полно осведомителей, в том числе и в криминальном сыске. Что ж, так даже лучше. Все равно уже ничего бы не изменилось. Ее ребенок мертв – погиб страшной и мучительной смертью, и этого не исправить. Сочувствие в подобной ситуации лишнее, ведь слова все равно не помогут, а молчание – слишком тяжело.

Разубеждать же графиню в том, что настоящий убийца ее сына погиб, я не стал. Жорик мертв. По крайней мере, именно его изуродованное тело лежит сейчас в полицейском морге, и каждый может прийти и убедиться в этом лично. А подселенец... его для начала нужно отыскать. Впрочем, я был уверен, что мы с этим существом еще встретимся. Рано или поздно, но обязательно встретимся.

IV. Необычные посылы

На двери моего дома висела табличка: «Частное розыскное бюро. К. Б. Бреннер. Лицензия за номером 718/2. Часы работы ненормированные». Также время от времени я давал объявления в «Городских новостях» и еще в паре периодических изданий.

Не могу сказать, что доход от моей деятельности исчислялся грандиозными суммами, но на безбедную жизнь вполне хватало. Содержание дома окупалось, включая незначительные траты скромных двойняшек и мои личные расходы. Иногда даже удавалось отложить что-то на банковский счет под проценты. Но богатством я обременен не был.

Поэтому чек от графини С., доставленный спустя пару часов после завтрака, пришелся как нельзя кстати. Некоторое время я сомневался, вправе ли принять его. Ведь если моя догадка верна и подселенец управлял Жориком, то денег я не отработал. С другой же стороны, я не мог гарантированно утверждать, что существо именно управляло убийцей, а не просто присутствовало в его теле, как некий паразит. Поэтому, поразмыслив, чек я оставил. Ведь свою работу я все же сделал – дагеротипист найден, обезврежен и уже никому не сможет причинить вреда. Тем более что сам я теперь под следствием, и эта ситуация еще потребует внезапных расходов. Мне нужно доказать, что убил я Жорика правомерно, не превысив свои полномочия. Частный сыск – это не служба в полиции. Тут сверху никто не прикроет, не защитит. Если совершил ошибку, то можешь рассчитывать исключительно на себя. Одно я знал точно: случись эта ситуация повторно, я сделал бы то же самое.

Девочки давно убежали по своим делам. Поиск кота занимал все их мысли. Даже Петра увлеклась этой идеей, и, лишь покормив меня завтраком, они быстро собрались и умчались прочь.

Тем лучше: мне хотелось побыть наедине с собой и собраться с мыслями. Я спустился на первый этаж и прошел в кабинет, прибираться в котором не разрешал никому, даже сестрам. Слишком ценил я свой собственный уклад, да и просто не желал чужого вторжения в личное пространство. А более личного, чем работа, у меня ничего не было.

До полудня я успел заполнить карточку по делу графини С. и ее пропавшего сына. Пусть никто и не просил у меня отчета, но мое чувство долга требовало, чтобы я завершил это расследование. Пусть так, на бумаге, без прилагаемых улик и доказательств, но это лучше, чем ничего.

Потом явился посыльный с чеком, но я к тому времени уже закончил писать отчет, убрал все бумаги в картотеку и просто сидел в кресле, полуприкрыв глаза и вспоминая вчерашний день.

Едва я закрыл дверь за посыльным и вернулся в кабинет, чтобы убрать чек в портмоне, как назойливое дребезжание дверного звонка возвестило о том, что явился новый посетитель.

Я пошел отпереть, втайне надеясь, что незваный гость просто ошибся домом. Дело графини меня вымотало чрезвычайно, и сейчас мне требовалось хотя бы несколько спокойных дней.

На крыльце стояли двое. Только увидев их, я сразу понял, что грядут неприятности. Эти люди всем своим видом источали угрозу. Я бы принял их за уличных громил-бандитов, если бы не баснословно дорогой мехваген за их спинами. Насколько я знал, подобные имелись только у трех человек во всем Фридрихсграде. Интересно, от чьего имени явились эти

люди?..

– Господин Бреннер? – поинтересовался первый гость, внимательно обшаривая меня взглядом.

Визитер был весьма высок и обладал такими широкими плечами, что я засомневался, сможет ли он пройти в дверной проем. Впрочем, и его напарник не уступал ему комплекцией. У первого на лбу красовался весьма заметный шрам, а у второго недоставало мизинца на левой руке. Это я заметил сразу, поскольку оба были без шляп и перчаток.

– Он самый. С кем имею честь беседовать?

Но господин со шрамом не спешил представляться и продолжил:

– Господин Бреннер, бывший десант-риттер кайзер-императорской армии Петра-Альбрехта Второго, ныне частный сыщик по найму?

– На последнюю часть вашего вопроса ясно отвечает табличка на моей двери. Об остальном вы тоже, как я вижу, осведомлены. Поэтому не стоит затягивать общение дольше необходимого.

Здоровяки переглянулись между собой. Я бы поставил сто против одного, что они в свое время прошли службу в войсках особого рода – об этом говорила и их манера держаться, и мягкие текучие движения, которые я уже успел отметить, и еще несколько мелочей, незаметных взгляду непосвященного. Но я много раз сталкивался с такими типами и знал, что они крайне опасны и держаться с ними нужно настороже.

– Хорошо, – кивнул первый, – допустим, что вы – господин Бреннер. В таком случае предлагаю вам проехать с нами. Это не займет много времени.

– С какой это стати? – разыграл я удивление, уже понимая, что проехать придется.

– Есть человек, очень важный человек, который хочет побеседовать с вами, господин Бреннер, – неспешно выговаривая слова, словно разговаривал с ребенком, объяснил шрамированный гость. – Да вы не беспокойтесь, ваше потраченное время хорошо оплатят!

Я бы справился с ними при необходимости даже голыми руками, я был почти в этом уверен. Но зачем обострять ситуацию, тем более что сыщик по найму – это всего лишь наемный работник, и, когда тебя зовет солидный клиент – не важно, каким способом, – нужно проявлять понимание.

– В таком случае я к вашим услугам, господа! – Я решил сыграть туповатого служаку, на все готового ради денег. Впрочем, если смотреть правде в глаза, так оно и было. – Я только захвачу плащ и запру дверь.

– Поторопитесь! – кивнул первый здоровяк. Он явно был главным в этой паре. Второй, без мизинца, за все время не проронил ни слова. – Мы подождем вас в приемной.

Я не стал спорить и впустил их в дом. Непосредственной угрозы я от визитеров не ощущал. Они просто выполняли поручение своего господина: найти и доставить меня, как я надеялся, в целости и сохранности. Здесь, в доме, я мог убить гостей в два счета, но не видел в этом смысла. Тот, кто послал их за мной, нуждался в помощи. А персонам такого уровня отказывать не принято – после неприятностей не оберешься.

На этот раз я захватил с собой револьвер. Его обязательно отберут у меня перед встречей, но после вчерашних событий выходить на улицу без оружия я больше не мог. А нож, как всегда, лежал у меня в кармане.

Сборы не заняли много времени: уже через несколько минут я запер входную дверь и уселся на заднее сиденье элитного мехвагена компании «Моторы Отто и сына». Беспальный занял место за рулевым колесом, а шрамированный сел рядом со мной позади, прежде

профессионально охлопав мои карманы и изъяв револьвер и нож.

Мотор басовито загудел. Мехваген вздрогнул, готовый сорваться с места в любую секунду. В нем чувствовалась неимоверная мощь, заложенная создателями. Мне нравилось стремительное техническое развитие, начавшееся в последние годы, я признавал, что прогресс – главный двигатель человечества. А этот мехваген являлся вершиной современной инженерно-технической мысли, над его созданием трудились лучшие умы Руссо-Пруссии, и мне крайне приятно было прокатиться на этом чуде техники, пусть и в качестве насильно приглашенного пассажира.

– Трогай! – велел мой сосед, и мехваген пулей полетел по дороге, оглашая окрестности диким ревом.

Встречные извозчики громко ругались, пытаюсь удержать лошадей и не дать им запаниковать, а случайные пешеходы едва успевали отпрыгивать в сторону, чтобы не попасть под колеса этого монстра дорог и чемпиона скоростей.

Восторг! Полный и абсолютный восторг! Вот что я испытывал, вжимаясь всем телом в кожаное сиденье. Я бы многое отдал, чтобы однажды сесть за рулевое колесо этого великолепного творения. Но подобная роскошь была мне не по карману.

Казалось, водитель забыл о тормозах, он гнал так, словно от этого зависела его жизнь. Куда, интересно, мы так спешим?..

Спустя десять минут бешеной гонки я понял, что мы, собственно, никуда особо не спешим, просто жизни и здоровье тех, кто не успел бы сигануть в сторону из-под колес мехвагена, моих спутников не беспокоили. Но беспалый оказался мастером вождения, и, к счастью, никаких дорожных происшествий с нами не приключилось. Разве что городовые периодически свистели нам вслед, но водитель их игнорировал, да и они сами, разглядев мехваген, почтительно брали под козырек.

Мы проскочили один за другим два моста и въехали в центральную часть города. Но и здесь мехваген не снизил скорость. Состоятельные горожане, степенно совершавшие променады по широким проспектам, ругались не хуже давешних извозчиков, грозно потрясая в воздухе кулаками. Но мы игнорировали всех и каждого, не останавливаясь ни на мгновение.

Наконец мы достигли цели. Мехваген снизил скорость у высоких кованых ворот, которые тут же отворились, и мы поехали по широкой аллее к видневшемуся чуть дальше массивному двухэтажному особняку. С любопытством поглядывая по сторонам, я насчитал около десяти плечистых охранников в штатском, рассредоточенных на территории. Помимо охранников я заметил и свору крупных кобелей, неотступно следовавших за нашим мехвагеном. Ни один из них не лаял, они вообще делали вид, что просто бегут рядом по каким-то своим делам, но я был уверен, что в случае необходимости они в мгновение ока разорвут любого.

Я уже догадался, в чьи именно владения мы явились. Прожив в городе много лет, да к тому же обладая столь беспокойной профессией, поневоле узнаешь всех и вся. Хотя, признаться честно, лично мы с этим господином никогда не пересекались. Слишком уж разный круг общения. Я так высоко никогда не залетал. Даже графиня С., обратившаяся ко мне по рекомендации одной из своих многочисленных подруг, которой я немного помог в свое время, была далеко не столь влиятельна, как хозяин этого особняка.

Но пока я оставил все догадки при себе. Имея дело с персонами высокого ранга, нужно помалкивать или же, в крайнем случае, преданно кивать, иначе найдут твое тело спустя

месяц-другой в какой-нибудь тихой заводи, объединенное рыбами, и похоронят в тесной могилке.

Мехваген остановился напротив каменной лестницы, ведущей к парадному входу. Любопытно, меня собираются впустить не через черный ход, значит, хозяин не делает из моего визита тайны. Либо же специально выставляет меня напоказ. В таком случае дело даже серьезней, чем я предполагал.

Дверь мехвагена мне никто не поспешил открыть, поэтому я сделал это сам, выбрался из недр этой удивительной машины, еще раз бросив на нее восхищенный взгляд, и замер, ожидая дальнейших указаний от моих сопровождающих.

Те уже встали у меня по бокам, препятствуя возможному побегу – не то чтобы они думали, что я куда-то побегу, просто они привыкли контролировать опасных визитеров. Я же прекрасно помнил недобрые взгляды своры, которая сейчас растворилась среди аккуратно подстриженных кустов, и бежать не стал бы ни в коем случае.

– Вас ожидают. – По лестнице спустился представительный мужчина в строгом сюртуке и с такими бакенбардами, которые счел бы за честь носить любой боевой генерал. – Меня зовут Паркер, следуйте за мной.

Беспалый и шрамированный проводили нас до бесконечного холла первого этажа и только там оставили в покое, передав меня на полное попечение Паркера.

Мы поднялись на второй этаж. На богатую обстановку вокруг я старался не обращать внимания, хотя краем глаза отметил и бесценные картины известных мастеров, и массивную хрустальную люстру, и натертый до блеска паркетный пол, и несколько полных наборов рыцарских доспехов, и множество иных деталей, даже не шепчущих – кричащих о том, что здесь проживает один из самых богатых людей города, да что там – всей империи.

На пути нам не встретилось ни единой души: ни слуги, ни охранники, ни домашние. Поместье внутри словно вымерло, и только глухие звуки наших шагов разносились тихим эхом по полутемным коридорам второго этажа.

Коридор окончился тяжелой дубовой дверью. Паркер негромко постучал и, получив разрешение войти, распахнул передо мной створки. Я шагнул в комнату, сразу сообразив, что попал в кабинет хозяина особняка. Дверь за мной тут же затворилась.

Из-за массивного стола навстречу поднялся крупный мужчина лет шестидесяти, с совершенно седой головой, аккуратными усами и очень усталыми глазами.

Я склонился в почтительном полупоклоне. Никакой ошибки, теперь я совершенно убедился в правильности собственной догадки. Ведь пригласившего меня господина знал в лицо каждый житель города – портреты этого человека висели почти в каждом доме и уж точно в каждой таверне рядом с портретами императора.

Передо мной стоял, протянув руку для пожатия, действующий член Государственного Совета, генерал-губернатор Фридрихсграда, родной брат кайзер-императора Карла, великий князь Платон Александрович собственной персоной.

Я вытянулся во фрунт, как во времена былой службы, и лихо оттрапортовал:

– Десант-риттер Бреннер по вашему указанию прибыл, ваше высочество!

– Кирилл Бенедиктович, оставьте излишние церемонии. Проходите, присаживайтесь!

Желаєте чайку или чего-то покрепче? Прощу, не стесняйтесь!

Рукопожатие вышло крепким. Князь находился в прекрасной физической форме, несмотря на почтенные годы. Всю свою жизнь он был патриотом, считая любовь к Родине необходимой составляющей менталитета настоящего гражданина. Князь испытал самолично все прелести казарменной службы, хотя это вовсе и не требовалось ввиду его высокородного происхождения. Он двадцать лет отслужил в обычном полку, позже сменившем свое название на Княжеский, начав со звания риттер-лейтенанта. Позже, покинув армейскую службу в генеральском чине, Платон Александрович по высочайшей просьбе Карла принял пост губернатора Фридрихсграда – второго после столицы города империи, доверить который кайзер-император мог только ближайшему родственнику.

Великий князь пользовался громадным уважением как простого народа, так и военных. Ну а в правящих кругах его происхождение обеспечивало князю особый статус. Поэтому городом он руководил железной рукой, его боялись как огня. Князь без всякой жалости уничтожал преступный элемент, в том числе высокопоставленных казнокрадов, и Фридрихсград по праву считался одним из самых спокойных и обеспеченных городов во всей Руссо-Пруссии.

Я несколько раз удостоивался чести лицезреть великого князя лично, но чтобы при этом он обратил на меня свое внимание – такого прежде не случалось. И, сказать начистоту, я бы предпочел, чтобы так оставалось и впредь. Внимание царственных особ обычно плохо сказывается на состоянии здоровья тех, на кого оно обращено.

– Благодарю, ваше высочество, не стоит беспокоиться!

– Ну хорошо. – Князь тщательно осмотрел меня с головы до пят, придирчиво оценивая, словно скакуна, на которого собрался поставить крупную сумму, и кивнул. – Вы все же присаживайтесь, Кирилл Бенедиктович, разговор предстоит долгий. И давайте условимся: наедине называйте меня по имени-отчеству. Лишние условности между старыми солдатами ни к чему, не так ли?

– Так точно, Платон Александрович. – Я уселся на стул, но спину держал прямой как палка, а подбородок слегка выпятил вперед. Пусть князь и предлагает легкое панибратство, но расслабляться не стоит. Любое мое неверное слово или движение может отправить меня прямиком на далекие северные рудники. Таковы они все – власти предержавшие.

Великий князь обошел стол и сел на свое место. Я смотрел на брата кайзер-императора не отрываясь, как сказали бы в нашем полку – пожирал начальство взглядом. Ведь начальство очень любит, когда каждому его слову внимают, словно оно глас божий. И это вовсе не подхалимаж, а лишь необходимые условия для выживания в заданном социуме.

Я даже не успел толком рассмотреть кабинет князя, заметив краем глаза, что генерал-губернатор не любил излишеств. Все устроено по-простому, безо всякой помпезности. Только необходимые для работы вещи – а князь работал подолгу, иногда несколько суток кряду просиживая в кабинете. Десяток охотничьих трофеев на стенах – вот и все украшение помещения.

– Хорошо, раз вы отказываетесь от напитков, приступим прямо к делу. – Князь чуть откинулся на спинку кресла, собираясь с мыслями. – Речь пойдет о вещах крайне деликатных... семейных... очень личных...

Ох как же мне все это не нравилось! Влезать в личные дела великого князя я не горел желанием. Ведь выбраться из них может быть невероятно сложно. Но что я мог поделать? Встать и уйти? Если бы это было возможно, я бы так и поступил. И, слушая князя, я все глубже и глубже увязал в них, как пчела в варенье, теряя все пути для отступления.

– Вы, наверное, знаете, что у меня есть сын?

Я кивнул. Еще бы я этого не знал! Сын великого князя – Константин Платонович, девятнадцати лет от роду, или же Костас, как он сам любил себя величать на греческий манер, а в крайнем случае, Князь-младший – так его звали полусшепотом между собой городовые и полицейские, был тем еще оболтусом. Практически ни один скандал в высшем свете не обходился без его участия, а зачастую он сам их инициировал. Характер у него был преотвратный, и связываться с этим юнцом никто не желал. Генерал-губернатор, обычно справедливый, на проделки сына закрывал глаза. Поговаривали, что он ни в чем не может тому отказать – слишком уж похож был Костас на свою покойную мать, в которой Платон Александрович души не чаял.

– Так вот, – продолжил князь, – он попал в одну крайне неприятную историю. Но я надеюсь, что с вашей помощью он из нее выпутается.

Я удивился, хотя виду не подал. У великого князя хватало и людей, и возможностей для того, чтобы решить любую проблему любого свойства. Зачем ему понадобился именно я? Тем более учитывая, что прежде он к моим услугам никогда не прибегал, хотя наверняка одна из папок на его столе содержала мое полное досье. Нет ли во всем этом какого-то подвоха? Однако в благородстве Платона Александровича я нисколько не сомневался.

– Вы, верно, недоумеваете, – угадал мои мысли князь, – отчего я пригласил для этого дела вас? Но, знаете ли, так вышло, что мне понадобился именно независимый человек со стороны. Я попросил навести справки обо всех частных сыщиках нашего города, и вы были указаны в тройке самых честных и порядочных.

Я чуть было не хмыкнул. Только лишь в тройке? Я-то надеялся, что лидирую в этой позиции, крайне непопулярной среди людей, желавших туго набить свой кошелек. Я не шел на компромиссы, никогда не предавал нанимателя и не брал взятки, в общем – представлял собой упертого и верного пса-служак, которого проще убить, чем переманить на свою сторону. И если уж я брался за дело, то обычно доводил его до конца. Чего бы это мне ни стоило...

– К тому же, – добавил Платон Александрович, – я с утра просматривал сводки происшествий. В коих вы фигурировали... да еще как фигурировали!

Да, теперь все понятно, вся эта история с Жориком сыграла ключевую роль. Точнее, мое в ней шаткое и неуверенное положение. Ведь я нахожусь под статьей об убийстве, да еще с отягчающими обстоятельствами. И не важно, что жертва моя – преступник-маниак (о подселенце я предпочитал пока вообще не вспоминать). Все равно по законам империи мне грозит повешение, в лучшем же случае – рудники. Убийство есть убийство!..

Так вот, используя меня в решении проблемы с сыном, великий князь мог быть уверен, что эта история позже нигде не всплывет. Он легко мог контролировать меня, при необходимости отдав приказ о моем немедленном аресте – если бы я начал позволять себе вольности. Князь ничем не рисковал, я же ставил на кон все. В случае неудачи меня просто

не станет – и никто не вспомнит, что жил такой сыщик Бреннер, честный и глупый. Разве что сестренки погрустят обо мне немного одним из долгих осенних вечеров...

– Дело похитителя детей было у меня на особом контроле. – Князь достал из ящика стола пару сигар, предложил мне одну, но я отказался, тогда он срезал у своей кончик и медленно раскурил ее, распространяя благодатный аромат по всему кабинету. – Вы – большой молодец, Кирилл Бенедиктович. Я прослежу, чтобы награда не обошла героя стороной.

Уж лучше бы меня просто оставили в покое. Чувствую, тут либо пан, либо пропал. Все будет зависеть от того, в какую именно навозную кучу сумел вляпаться Костас, и от того, смогу ли я его оттуда вытащить.

– Итак, оставим сантименты. Дело, как я уже сказал, крайне деликатного свойства. Существует некая девица – актрисулька, гуляющая особа. Но она сумела завлечь моего сына в свои коварные сети. А он – мальчик тонкой душевной организации, чрезвычайно чувствительный и ранимый – весь в мать, влюбился в нее всем сердцем. Она воспользовалась ситуацией и понесла. К счастью, я узнал об этом одним из первых. Представляете, Кирилл Бенедиктович, эта актриска имела наглость явиться в мой дом самолично и заявить о своих правах. Мол, она, как будущая мать моего внука, немедленно нуждается в изрядном денежном содержании. Более того, она претендует на то, чтобы Константин сделал ей официальное предложение! Представляете?! Я все понимаю, многое повидал в этой жизни, но никогда подобной девице не вступить в мой дом в качестве моей невестки, а тем более – в дом моего брата!

Я слушал князя и понимал, что живым мне из этой истории выбраться будет очень сложно. Свидетелей такого рода предпочитали никогда в дальнейшем не встречать. А что может быть проще, чем мешок на голову да тяжелый камень, привязанный к ногам, – и на дно. Какая там тихая могилка – это я размышлялся, никогда меня не найдут. Был человек – и нет человека.

При этом я несколько не сомневался, что князь воспринимает всю эту историю совершенно неадекватно и однобоко, а вся его хваленая справедливость попросту испарилась, когда речь зашла о его сыне, но никто, в том числе и я, не осмелится ему об этом сообщить. Костас, помимо всего прочего, один из потенциальных наследников империи, поэтому дело приобретало характер государственной важности. Ведь тот или та, кого носит в своем чреве неудобная князю девица, тоже станет престолонаследником, коли все же умудрится родиться. Даже если ребенка никогда не признает его отец. История знает примеры, когда бастарды обскакивали всех в смертельно опасной гонке за главный приз, ценнее которого в мире ничего не было и нет, – власть.

– Ваша задача, господин Бреннер, проста и одновременно с тем сложна и деликатна. Вы должны встретиться с этой девушкой, поговорить с ней и убедить ее отступить. Она должна понять, что не достойна носить этого ребенка. К счастью, срок еще не столь велик, а абортариев в городе хватает. Вы ведь знаете, что либералы вновь протолкнули закон о праве каждой женщины самой решать, оставлять ли случайно зачатое дитя или избавляться от него. К счастью, в данном случае это нам только на пользу. А если ее не устраивает Фридрихсград – что ж, пусть выбирает любой другой город и любую клинику, я все оплачу. Главное – убедите ее, что оставлять этого ребенка ни в коем случае нельзя. Подкупите ее, можете спокойно оперировать любыми пятизначными числами, за деньгами дело не станет – спокойствие дороже! Если же вздумает упираться, припугните! Я даю вам самые широкие полномочия. Естественно, все это неофициально, но, в случае чего, я за вас вступлюсь

лично – мое слово тому порукой. Пока же полиция трогать вас не будет – я уже обо всем переговорил с шефом Мартыновым. Сделайте все возможное, чтобы выполнить это поручение. И тогда, поверьте, ваша карьера сложится в нашем городе весьма удачно.

Метод кнута и пряника. Князь понимает, что держит меня в руках, но все же стимулирует обещаниями, сознавая, что одно дело работать за страх, а совсем другое – за совесть. Шеф полиции барон-капитан Мартынов сделает все, о чем попросит его великий князь. Если тот сказал на время оставить меня в покое – оставят, но в любой момент, если ситуация переменится, кинут в клетку. Уж мне ли не знать методы наших полицейских? Именно из-за негибкости системы я и не пошел служить в их ряды, хотя мне в свое время это предлагали.

За два столетия смесь всегдашнего российского разгильдяйства и дойчевой любви к порядку породила нечто особенное. Две столь разные системы срослись в новой империи вместе, но, к сожалению, немного не теми краями. Русское чиновничество и стяжательство, дополненные дойчевой исполнительностью и неукоснительной верой в начальство, создали несокрушимую бюрократическую машину, противостоять которой не мог никто, даже император, но в то же время так и не решили внутренних проблем в империи. Взятничество никуда не исчезло, более того, не искушенные прежде большими деньгами дойчи быстро освоились с реалиями и поставили дело на присущую им четкую основу. И никакие указы и самые строгие меры, предпринимаемые кайзер-императором, пока не смогли побороть эту чуму. Платон Александрович от брата не отставал и многих фридрихсградских чиновников отправил на каторгу, но на их место приходили другие такие же – жадные до денег, бесстрашные до безумия, и все начиналось заново.

К счастью, другие черты этих двух народов оказались куда более важными для империи. И те и другие обладали той особой отвагой, которая во все века брала города. Вдобавок русы несли в себе некую внутреннюю правду и веру в обязательную справедливость уже на этом свете, а дойчи вскоре подхватили эту веру и постарались придать ей прочную материальную основу. За два столетия родилась и выросла новая нация, не потерявшая своей изначальной дуальности – русы никогда не поглощали народы, а интегрировали их, а дойчи слишком ценили свои корни, чтобы позабыть собственную историю и происхождение.

– Вот вам на текущие расходы. Если потребуется еще, только скажите...

Князь протянул мне плотную пачку купюр. Щедро. Я спрятал деньги во внутренний карман пиджака и поднялся со стула, понимая, что аудиенция окончена.

– По всем вопросам можете контактировать с моими людьми. Риттер Жуков и риттер Вульф. Вы с ними уже знакомы, это они доставили вас ко мне. У них же получите все данные по этой актрисе и все прочее, что вам может потребоваться в работе. Бреннер, сделайте все возможное, чтобы решить проблему! От вас зависит честь моей семьи, более того – честное имя кайзер-императора! Я в вас верю!..

VI. Театр «Фантазия»

Беспальный громила оказался Жуковым, а второй, со шрамом, – Вульфом. Револьвер и нож мне вернули, а также вручили не слишком толстую папку с материалами на зарвавшуюся в своих амбициях актрису. В дополнение мне выдали специальную бумагу, подписанную лично великим князем и способную открыть двери любого дома, да что там – с такой всеразрешающей бумагой я мог при необходимости поднять полк в штыки – крайне ценная штука! Жаль, нельзя оставить ее себе навсегда...

Памятуя об обещании генерал-губернатора, я потребовал себе на время выполнения задания личный мехваген, да не абы какой, а тот самый, с ветерком доставивший меня час назад на аудиенцию. Жуков с Вульфом переглянулись. Видно было, что я им не нравлюсь, более того, кажусь ничуть не менее наглым типом, чем пресловутая актрисулька, и вообще, они не понимают, отчего столь деликатное внутреннее дело доверено мне, а не им. Уж эти-то громилы решили бы его в два счета, можно быть уверенным. Именно поэтому я предположил, что князь все же хотел разобраться с актрисой мирно. Методы Жукова и Вульфа не предвещали врагам Платона Александровича ничего хорошего.

Выбора у риттеров не было, поэтому уже через четверть часа я выехал из ворот усадьбы на мехвагене компании «Моторы Отто и сына» – мечте любого человека, разбирающегося в современной технике.

Мехваген слушался каждого моего движения: не машина – сказка. Я летел по дороге, провожаемый завистливыми взглядами мужчин и восторженными – женщин. Надо бы прокатить сестренку на этом чуде техники. Они будут довольны. Но сначала – дело.

Я уже успел просмотреть скудное досье на актрису, собранное подчиненными великого князя. То ли они совершенно не умели работать, то ли девушка и вправду ни в чем подозрительном замешана не была, а вся история с беременностью и безмерными требованиями – сплошное недоразумение. Вот в этом мне и стоило разобраться, и я надеялся, что управлюсь с делом быстро.

Итак, Арабелла Германовна Лямур – Белла, как ее все называли, действующая прима оперетты театра «Фантазия». Лямур – это псевдоним, настоящая ее фамилия была куда проще – Белкина. Ее родители – небогатые люди, хоть и дворянского сословия. Угораздило же их, не скопив достойного приданого, назвать дочь романтическим именем Арабелла, тем самым заставив девочку считать себя особенной. Совершенно неудивительно, что, достигнув совершеннолетия, Белла решила не прозябать в провинции, переехала в Фридрихсград, где и выбрала актерскую стезю. Быстро окончив театральные курсы, она удачно попала в качестве актрисы вторых ролей в «Фантазию», но уже через год получила свою первую главную роль, а еще через некоторое время стала и примой театра. Видно, характер у Арабеллы оказался железным. Домашний адрес прилагался. Белла снимала квартиру – небольшую, зато в центре города, а цены там были не каждому по карману.

Лично я крепко сомневался, что за те четыре года, которые Лямур выступала в театре, с ней не произошло ни одной компрометирующей истории. Все современные молодые и красивые девицы, мечтающие о славе и богатстве, обычно прятали в шкафах такое множество скелетов, что хватило бы на небольшое кладбище. Я вовсе не удивлюсь, когда, покопавшись в ее грязном белье, вытащу на свет несколько интересных тайн. А покопаться в нем мне придется обязательно...

Поразмыслив, я решил идти к Лямур не сразу, а вначале пообщаться с ее окружением, чтобы составить об актрисе первоначальное впечатление. Нет более завистливых существ, чем коллеги, тем более стоящие на несколько ступеней ниже. Все же, отделяя вымысел от правды, можно многое узнать о человеке. Я не сомневался, что сумею это сделать, – начиналась привычная работа, которой я занимался уже многие годы.

Показалось мне или нет, но от самой усадьбы на некотором расстоянии за мной следовал какой-то мехваген. Неужели князь отдал распоряжение следить за мной? И не мои ли знакомцы – Жуков и Вульф – выполняют это распоряжение? При желании я мог бы оторваться от преследователей в любую минуту, но решил этого не делать. Хочется им – пусть таскаются за мной следом. В конце концов, у каждого своя работа.

Внушительное здание театра «Фантазия», построенное лет тридцать назад по особому проекту барона Делье, знал каждый житель города. Массивные мраморные колонны, львы и многочисленные ангелочки, украшавшие фасад, привлекали внимание всякого прохожего, маня войти внутрь и купить заветный билет. Чуть в стороне виднелась яркая афиша, на которой значилось: «Премьера! Оперетта «Битва за счастье». Только у нас поет Арабелла Лямур. Спешите видеть и слышать!»

«Многозначительное название», – подумалось мне. Работа у госпожи Лямур совпала с жизненной ситуацией: и на сцене, и в жизни ей придется повоевать, чтобы добиться желанной цели.

Я оставил мехваген возле театральной конюшни, находившейся сразу за зданием, и велел усатому сторожу присмотреть за машиной, в качестве награды посулив ему пять марок. На прощанье я еще раз крепко-накрепко наказал ему смотреть в оба за мехвагеном – как за собственной женой, и даже еще внимательнее, потому как женщин вокруг много – можно и новую найти, а таких королев дорог – единицы, и за нее голову открутят не задумываясь. Сторож проникся всем сердцем и поклялся жизнь отдать, но не подпустить врагов к творению компании господина Отто.

Швейцар, не менее усатый и дородный, чем сторож конюшни, но вдобавок одетый в весьма внушительно смотревшуюся и идеально сидевшую на нем ливрею, поинтересовался было целью моего визита, но, увидев бумагу за подписью великого князя, сразу распахнул передо мной двери.

Зайдя внутрь, я огляделся. Нет, мне приходилось бывать в театре и прежде, но все же каждый раз, когда я видел всю эту роскошь вокруг, мне становилось несколько не по себе. Мраморные полы, бесконечные зеркальные стены, витые широкие лестницы, сплошная позолота везде, где только можно, – все это служило одной цели: затуманить взоры посетителей, вызвать даже у самого бедного и незначительного из них ощущение причастности к высшим кругам общества, заставить почувствовать себя значимее, солиднее. И представление, разыгрываемое на сцене, лишь усиливало эти ощущения, унося зрителя в иную реальность. А после, когда спектакль заканчивался и человек возвращался в свою унылую скудную двадцатимарочную квартирку, в свою беспросветную жизнь, очарование пропадало и приходила безысходность. За эту подлость, хитрый обман, временную иллюзию собственной значимости я подобные места не любил и старался их избегать.

– Вам чем-то помочь? – Ко мне подошла – нет, скорее подплыла – дама в вечернем платье, расшитом жемчугом, и с таким декольте, что туда мог легко нырнуть и потеряться головной линкор морского флота его кайзер-императорского величества «Церштерер».

– Да, собственно, я ищу вашего директора. – Я с трудом оторвал взгляд от ее прелестей и переместил его на лицо дамы, еще сохранившее остатки свежести и молодости, хотя легкие морщинки вокруг глаз, видимые несмотря на умело нанесенный макияж, указывали, что ее возраст ближе к тридцати пяти, чем к восемнадцати.

– Аскольда Ромуальдовича? Так я вас могу к нему проводить, нам как раз по пути!

– Это было бы крайне любезно с вашей стороны, уважаемая...

– Робертина Сергеевна Кинева, актриса этого несчастного театра. А вас как величать, позвольте полюбопытствовать?

Она ловко подхватила меня под руку и уверенно повела в сторону лестницы, поэтому представляться мне пришлось на ходу:

– Бреннер, Кирилл Бенедиктович, частный сыщик.

– Ох, как интересно! Настоящий сыщик! А я так люблю читать истории о таких, как вы. Вот только недавно прочла презабавнейшую вещь – «Федорин против банды трубочистов». Рекомендую! Получите море удовольствия! Только автор, как мне показалось, слишком уж либерален. И куда только цензор смотрит?! Я давно хотела познакомиться с представителем вашей опасной профессии и спросить: а правда ли то, что пишут в книгах? Вам на самом деле приходится убивать преступников? А вы лично многих убили? Это ведь так страшно, что я и представить не могу! Такие эмоции, такие чувства! Я бы умерла со страху, если бы кто-то лишь направил в мою сторону оружие...

Собственно, Робертине собеседник не требовался. Она и сама прекрасно справлялась с нашим диалогом-монологом, почти не давая мне возможности вставить слово. Но я все же исхитрился воспользоваться краткой паузой, стараясь направить ее рассказ в нужное мне русло:

– Моя работа скучна и банальна. Большую часть времени я провожу, зарывшись в бумаги. Рутинка. А вот ваша профессия кажется мне яркой и интересной. Проживать множество жизней, быть то королем, то герцогом, то наемным убийцей... Дарить радость людям, быть всегда на виду! Цветы, море поклонников – ведь я все правильно говорю, дорогая Робертина Сергеевна?

Дама явственно помрачнела. Даже плечи у нее чуть опустились. Видно было, что предложенная мной тема ее угнетает.

– Знаете, ведь все так и было, как вы сказали. Были и поклонники, и цветы, и подарки, и роли... все было... а теперь из-за этой... извините. Теперь я играю не героинь, а их матерей. А то и бабушек. Представляете? Я – бабушка?!

– Какая же вы бабушка? Вы – небесный цветок, украшение любого праздника. На месте вашего режиссера я предлагал бы вам исключительно главные роли!

Мы поднялись на второй этаж, прошли в неприметную служебную дверь, покинув роскошь и великолепие, и направились по слабо освещенному коридору куда-то вглубь театра, куда обычным посетителям вход был заказан. Кажется, я слегка перебрал с комплиментами, потому как Робертина задышала чаще и сильнее прижалась ко мне теплым боком.

– Ах, вы так милы. Ваши бы слова да Аскольду в уши. Он ведь у нас и директор, и режиссер. Но он увлечен другой, увы. Она и моложе, и свежее, и голос у нее хорошо поставлен. Что уж скрывать, время беспощадно, даже я пала его жертвой.

– Вы на себя наговариваете. Сколько вам? Двадцать два? Двадцать три?

– Двадцать пять, – скорбно сообщила Кинева, краем глаза поглядывая, поверил ли я.

А я тут же со всей серьезностью закивал:

– Вы выглядите гораздо моложе своих лет. Уверен, вы еще будете оценены по достоинству. Но вот та ваша конкурентка, кто она?

– Белка-то? Это мы ее так зовем за глаза, потому что, во-первых, она Белкина, а никакая не Лямур, а во-вторых, Арабелла, то есть Белла. Белка, в общем, и есть. Шустрая, рыжая, наглая! Нашим директором почти сразу вертеть научилась, как только заблагорассудится. Он и рад стараться. Был умный человек, а теперь дурак дураком!

Робертина, начав сплетничать, как-то сразу потеряла добрую половину своего обаяния и шарма. Теперь передо мной стояла обычная стареющая завистница, довольно неприятная как личность. Но работа есть работа, приходилось терпеть.

– И он отдал ей все главные роли?

– Да, буквально за год она захватила в театре полную власть. Теперь временами я сама не понимаю, кто у нас директор – Аскольд или Белка?! Вы простите, что я вам это все высказываю, но у вас лицо располагающее, глаза добрые, и слушать вы умеете.

– Ничего. Так вы думаете, что у них интимная связь? Поэтому ей и удастся управлять Аскольдом?

– Не иначе! Белка хвостом вертит и получает все, что хочет. Раз – и новое кольцо, два – и главная роль, три – и афиши с ее лицом по всему городу. А в последнее время совсем обнаглела – завела себе еще и любовника на стороне, точно вам говорю! Молодой, красивый, богатый. Какие он букеты дарил, все от зависти ахали, ни одного спектакля не пропускает, всегда в главной ложе сидит. Вот только приходит он неизменно в маске, так что имени его никто, кроме Белки, не знает. Тайна! И как Аскольд только терпит изменщицу, ума не приложу. Видать, больно уж хороша она в делах любовных...

Я многозначительно покашлял, давая понять, что эту тему лучше обойти стороной. Нет, все же одно дело – рыться в чужом мусоре, а совсем другое – лезть третьим, а то и четвертым в чужие постели. Тем более что я, кажется, догадывался, о каком именно любовнике идет речь, пусть он и носил в театре маску.

– Каждый спектакль, говорите? А потом, после, приходит к ней в грим-уборную?

– Разумеется, и торчит там часами, либо же оба едут в ресторан ужинать, а уж что потом – не знаю, свечку не держала, но догадаться вполне могу. Вон, кстати, ее примерка – та дверь слева...

Я с любопытством посмотрел в указанном направлении. Дверь, на которую показывала Робертина, оказалась слегка приоткрыта. Я не преминул шагнуть ближе и заглянуть внутрь. А заглянув, одним движением выхватил револьвер и распахнул дверь уже во всю ширь.

На полу, рядом с изящным дамским туалетным столиком, широко раскинул руки мужчина с залитым кровью лицом. В двух шагах от мужчины на кушетке лежала рыжеволосая девушка, также без признаков жизни. Руки ее были в крови.

– Аскольд, Белла?! – Робертина, сунувшаяся в комнату следом за мной, статуей застыла на пороге. Она еще не до конца сориентировалась в ситуации, поэтому в шоковое состояние впасть не успела.

Я быстро подошел к телам и пощупал пульс. У мужчины он отсутствовал, у женщины был слабый и неровный.

– Что с ними? – Голос у Робертины дрожал. – Они умерли?

– Белла жива. Аскольд мертв. – Я присел на корточки и поднял закатившийся под кушетку подсвечник со следами крови и несколькими прилипшими волосами. – А если

говорить точнее – убит. Вот этим самым предметом.

И тогда Робертина самозабвенно, на весь театр, завизжала.

VII. Тайная комната

Аскольда убили одним ударом по голове. При этом ему глубоко рассекли кожу – отсюда и большое количество крови. Я сомневался, что женская рука способна была поднять тяжелый подсвечник и с такой силой нанести удар. Для этого требовался человек и выше ростом, и более крепкого телосложения, но уж точно это не могла быть стройная, миниатюрная Белла.

Но рыцарь Семенов, снова явившийся по моему вызову с дежурной группой, думал иначе. По его приказу девушку под усиленным конвоем отправили в городскую больницу, чтобы после, как только она придет в себя, а врачи скажут, что ее жизни ничто не угрожает, заключить под арест.

Еще бы! Полиция только лишь свободно вздохнула, сняв с себя обязательства по поимке неуловимого маниака, как тут же очередное громкое убийство. Трагическая смерть директора театра, посещать который не брезговали ни великий князь, ни даже сам кайзер-император, когда бывал с визитами в Фридрихсграде, – событие значимое. «Настоящая сенсация!» – как сказал бы мой приятель Грэг.

Он, кстати, уже был тут как тут – журналистским чутьем проведая о происшествии. В грим-уборную его не пустили. Семенов блокировал коридор целиком, поставив с обеих сторон своих людей, дабы пресекать любые попытки проникновения посторонних на место преступления, пока сам рыцарь собирал все возможные улики, опрашивал служащих театра, актеров – и искал следы, кои, возможно, оставил убийца. Но я успел провести беглый осмотр до прибытия группы и мог с уверенностью заявить, что настоящий убийца был весьма осторожен и иных улик, кроме брошенного подсвечника, в помещении не имелось.

Я говорю «настоящий убийца», потому что в виновность Арабеллы я не верил, несмотря на улики, казалось бы ее обличающие. Да, причина преступления могла быть связана с ней, но и только. Жаль, что мне так и не удалось поговорить с ней. Я, как ни старался, не смог привести ее в чувство – даже настойка нашатыря не помогла, а приехавший в карете скорой медицинской помощи доктор только развел руками, сославшись на возможный шок, который и стал причиной обморока девушки. И как скоро она придет в себя, предсказать врач не мог.

Не верил я и в причастность к убийству людей князя. Им-то уж точно несчастный Аскольд Ромуальдович ничем не мешал, пусть даже он и был некогда любовником Беллы. Уж скорее генерал-губернатор с присущей ему высокородной простотой приказал бы убить саму госпожу Лямур, разом закрыв все вопросы.

Больше всего сейчас мне хотелось поговорить с сыном великого князя – Константином. К нему у меня имелось множество вопросов. Но где найти Костаса, я понятия не имел. Время едва перевалило за четыре часа пополудни, а отпрыск императорской фамилии предпочитал развлекаться в вечернее и ночное время.

Грэг Рат все же сумел перехватить меня на выходе, хотя я и старался избежать встречи. Одно дело рассказать парочку подробностей об убийстве маниака, а совсем другое – поведать о приватном поручении самого великого князя.

– Кира, буквально на два слова! Позволишь?

Я прикинул все плюсы и минусы и решил, что репортер все же может быть мне полезен, и даже больше, чем я ему.

– Подожди минуту, я сейчас.

Мехваген ожидал меня, все такой же хромированный и блестящий. Сторож получил обещанные пять марок и собрался было удалиться. Суматоха его совершенно не беспокоила.

Мне пришла в голову одна мысль, и я придержал его за рукав:

– Послушайте, уважаемый, а сегодня вы присматривали только за моим мехвагеном? Или были и другие?

– Был еще один, уехал минут за пять до вашего прибытия.

Я почувствовал азарт охотника.

– А кто сидел за рулем? Вы его знаете?

– Кто таков – не знаю, этот господин предпочитал приезжать инкогнито – в маске, но он часто тут бывал. Как случается представление, так он обязательно являлся. Платил щедро, чтобы я за его железякой смотрел. Ну я и смотрел, не сложно.

– Узнать бы его узнали, коли понадобится?

– Если будет в маске, узнаю, чего там, – кивнул сторож. – Фигура статная, росту высокого, тонкие усики. Красавчик, как пить дать. Девкам такие нравятся.

– Благодарю. Если потребуется, я вас найду...

Я уже собрался было оставить сторожа в покое, но теперь уже он потянул меня за рукав, привлекая внимание.

– Вот еще что. После того как он уехал, я видел и другого. Бывший военный, хоть и в штатском, но с железным адлером^[2] на груди. Он вышел почти сразу за красавчиком, но лица его я не разглядел. Ушел пешком.

Эту информацию я, если честно, пропустил мимо ушей. Вряд ли человек с железным адлером – воинской наградой за проявленную личную доблесть в бою – причастен к этой истории.

Я сел в машину и подрулил к Грэгу. Тот восхищенно присвистнул и устроился рядом на сиденье.

– Ого! Знатный механизм! Где раздобыл?

– Там больше нет. Поехали, где-нибудь пообедаем. Я проголодался.

– Договорились, только, чур, я угощаю! – хитро прищурился Грэг, надеясь за это выманить у меня свежие новости.

Я не стал его огорчать прежде времени. К чему? От бесплатного обеда я не откажусь, но Грэг и так мне порядком задолжал, так что от него не убудет.

Признаться, я взял с собой Грэга еще и для того, чтобы позлить моих соглядатаев. Они никуда не делись, их мехваген стоял чуть поодаль, чтобы не слишком бросаться в глаза, но я-то сразу обратил на него внимание, лишь выйдя из театра. Как только мы отъехали от здания, тот мехваген тут же тронулся с места. Если там Жуков и Вульф, то они изрядно осерчают, узнав репортера. А не узнать его было сложно – каждый свой новый арктикль^[3] в газете Грэг сопровождал собственным портретным рисунком. Так что любой постоянный читатель «Городских новостей» с первого взгляда узнавал орлиный профиль долговязого репортера.

Вскоре мы сидели за столиком напротив окна, и я со своего места мог обозревать оставленный возле входа мехваген, вокруг которого уже собралась ребятня, шумно его обсуждающая. Блюда оказались достойными, но о делах мы за едой не говорили, по обоюдному согласию решив для начала отдать должное обеду.

Разговор мы начали, только когда добрались до десерта: чашка кофе и сигара для Грэга – и большая кружка пива и папиросы для меня. Машину соглядатаев я тоже прекрасно видел со своего места – обычный мехваген из разряда недорогих: неброский, тесный, таких в

последнее время развелось достаточно, чтобы не выделяться среди прочих механизированных транспортных средств, тем более что их с каждым днем становилось в городе все больше.

– Ты видел мою сегодняшнюю статью? – полубопытствовал Грэг, раскуривая сигару. – Говорят, она произвела настоящий фурор. Тираж разошелся влет!

– Мне сегодня было не до свежей прессы, – пожал я плечами, – но вечером обязательно гляну...

– Зачем же ждать вечера?! – Грэг выудил из кармана пиджака сложенный вчетверо газетный лист, аккуратно развернул его и протянул мне. – Как знал, что пригодится.

Броский заголовок гласил: «КОНЕЦ КОШМАРА – ГОРОД МОЖЕТ СПАТЬ СПОКОЙНО».

Я бросил недовольный взгляд на Грэга, но он отмахнулся.

– Не волнуйся, полиция разрешила публикацию. Они уже не делают из этого тайны. Наоборот, газета до небес превознесла заслуги криминального сыска, и Семенов должен быть мне благодарен. Его имя тоже упоминается в статье. Так что, полагаю, пары бутылок хорошего коньяка как раз было бы достаточно...

– Как же, дождешься от него, – ухмыльнулся я. – Он скорее посадит тебя в одиночку, чем признает, что и от прессы иногда бывает польза. Тем более что наш усач-риттер, как и я, всему прочему предпочитает пиво.

Показалось мне или нет, но Грэг сегодня вел себя как-то по-особенному. Он был излишне бодр, излишне весел, излишне развязен.

Я бегло просмотрел заметку. Ничего нового, минимум подробностей, но и этого хватило, чтобы всколыхнуть замерший в ужасе город. Еще бы: пять похищенных из благородных семей детей, и ни один не вернулся домой. Если бы генерал-губернатор не был родным братом кайзер-императора, то и ему не сносить бы головы за то, что допустил подобное. А так, можно сказать, успели вовремя. Убийца для всех мертв, горожане довольны, кроме родителей несчастных деток.

Тела жертв, как следовало из статьи, отыскали. Жорик хранил все останки в своем подвале, не удосужившись их перепрятать. Я просто не успел их обнаружить, но люди Семенова осматривали помещение со всей тщательностью и быстро их нашли. Уверен, что даже их крепкие желудки извергли из себя содержимое при виде беспорядочно сваленных в тяжелые сундуки детских тел. Человек не мог такое сотворить, только дьявол, но я один твердо знал – Жорик и не был человеком. Вот только рассказать об этом я пока никому не мог, иначе тот же Мартынов быстро определил бы меня в один из желтых домов.

Если бы я схватил Жорика и передал в руки властей или даже убил его, но, так сказать, обычным способом, то меня, несомненно, наградили бы. Но после того, как я распотрошил его жирное тело, мне оставалось надеяться только на заступничество великого князя. Хотя эта статья меня сильно реабилитировала в глазах общественности. Теперь мне казалось, что суд вполне мог бы встать на мою сторону.

– Прочел? – как-то слишком уж громко рассмеялся Грэг. – Как видишь, всегда в курсе событий. Первый среди равных!

Нет, Грэг мне сегодня совершенно не нравился.

– Что с тобой? – напрямую спросил я. – Ты чего-то недоговариваешь?

Он вновь расхохотался, ну тут же умолк внезапно, посмотрел на меня с такой серьезностью, которой я не замечал за ним уже много лет, и заговорил:

– Я не писал этого в статье, но они нашли там гораздо больше, чем предполагали.

– Ты о чем? – удивился я.

– У меня свои источники в полиции. Ты и сам не знаешь, но в сундуках нашли не пять тел, а восемнадцать. И еще... ты не добрался, но там была еще одна – третья комната. Самая секретная комната дагеротиписта. Своего рода архив.

– И что в ней находилось? – Я даже привстал со стула от возбуждения. О существовании третьей комнаты я слышал впервые.

– Снимки... много снимков... чертовски много снимков...

Я явственно увидел, как у Грэга – железного Грэга, который не боялся ни черта, ни бога, пройдя три фронта военным репортером, – задрожали руки.

– ...А на снимках дети, – продолжил он. – Десятки, может, сотни. Пока никто не смог точно сосчитать. Судя по всему, крестьяне, бедняки – те, которых мало кто хватится. Не только из Фридрихсграда, из других городов и деревень тоже. Некоторые снимки подписаны, другие – нет. Ты понимаешь? Он пять лет ездил по всей империи, убивал детей и делал снимки! Почему никто не поднял шум? Полиция взялась за дело недавно, когда начали пропадать дети из богатых семей. Но прежде были другие, а их все предали. Ни одна скотина не беспокоилась их судьбами! Ведь наверняка были заявления о пропаже, не могли не быть... А Уорфилд, даже если он отделялся взятками, разве по силам ему купить всю полицию? Так куда же они смотрели, мерзавцы? Сколько жертв на его счету? Мы этого никогда не узнаем. Все уже строго засекречено. Мне запрещено об этом писать. Я бы и не стал, честное слово. Не потому, что боюсь властей. Черт с ними, пусть бы отправили меня на каторгу лес валить, не важно. Я боюсь другого, Кира, того, что принесу страх в дома. Я не хочу, чтобы из-за одной мрази люди начали бояться и подозревать всех и каждого вокруг. И еще я не могу понять, как в наш просвещенный век, в великой империи, где живут в большинстве своем честные и порядочные люди, могло случиться такое! Это же де-ти! – по слогам произнес Грэг. – Некоторые – совсем крохи, другие постарше. Мальчики, девочки. У них же не было ни единого шанса против этой туши. Я видел его в морге, меня пустили туда на пару минут. Они все были обречены!

Он закрыл лицо ладонями, его плечи затряслись.

– Эй, человек, водки! – крикнул я.

Через минуту графин и два стакана уже стояли на столе. Я не задумываясь налил Грэгу полный стакан, себе же плеснул едва на один палец – пить не хотелось, меня разобрала такая злоба, что я чуть не раскрошил стакан в руке. Ведь Грэг прав – это не халатность, это преступление! Как могло случиться, что о массовой пропаже детей никто не знал прежде, до того как похитили особ высокородных. Да, на пропажу одного, двух, даже десятка могли закрыть глаза, но сотни... Невозможно!..

Выпили не чокаясь и даже не глядя друг на друга. Никогда прежде я не видел Грэга в таком состоянии. Из него словно ушла жизнь, настолько мрачным и подавленным он показался мне в этот момент.

– Спасибо тебе, – вдруг сказал он. – Ты нашел его и убил. Спасибо!

Я отвел взгляд в сторону. За окном мальчишки вокруг мехвагена горячо спорили – как видно обсуждая его технические характеристики. Такие же мальчишки, как и те, которых убил Уорфилд. Не лучше и не хуже. Люди, пусть еще маленькие, не успевшие вырасти. Но ребята на улице еще повзрослеют, а те – нет. Никогда. Я понимал чувства Грэга, который тоже воспитывал дочь, разделял их, но был уверен, что эта история еще далеко не закончена.

Подселенец скрылся, а значит, рано или поздно он найдет себе нового носителя. Отчего-то я не сомневался, что так и будет. Я привык доверять своим глазам и делать выводы. Что я видел – то видел. И вновь я едва удержался от того, чтобы поделиться с Грэгом всем, что знаю.

– Я не верю, – горячо зашептал репортер, придвинувшись ко мне так близко, что я мог почувствовать его дыхание, – понимаешь, не верю, что такое под силу одному человеку! Сотни детей, на это нужно много времени и много денег, чтобы замести все следы, даже самые малейшие упоминания о них. Только с последними своими жертвами он просчитался. Не нужно было похищать детей знатных родителей. Этого было уже не скрыть. Но все предыдущие смерти – я не знаю, что думать! Я видел некоторые снимки. На них разные интерьеры, разные фоны – ему для этого понадобились бы долгие годы, а технологию быстрых дагеротипов изобрели всего пару лет назад! Как он только успел? Или мы просто не знаем всего?.. А теперь они окончательно спрячут все результаты расследования, даже если отыщут правильный ответ, в чем я лично весьма сомневаюсь. Бездари! Лентяи! Мы ничего не узнаем. Государственная тайна! Мне разрешили написать всего о пяти жертвах, понимаешь, лишь о последних пяти из многих сотен!..

Он так же внезапно отодвинулся от меня и залпом выпил очередную порцию.

Мы пробыли в ресторане еще с час, за это время Грэг так напился, что мне пришлось отвезти его домой. О сегодняшнем убийстве мы так и не поговорили, Грэга оно не интересовало: банальное преступление на почве ревности – так он заявил. Актриса, свет софитов, излишне горячий любовник, не вовремя зашедший в грим-уборную... Ничего интересного. Если бы Грэг знал, кого я подозреваю, может, изменил бы свое мнение. А может, и нет. Я не мешал ему быстро напиваться – так будет легче, сам же почти не пил. Мне еще предстояло проверить некоторые свои догадки. И если они окажутся верны... тогда начнется самое сложное.

Константин Платонович, Костас, Князь-младший – как бы его ни называли, но если он убил директора театра, то ответит за это. Ответит по справедливости, даже если закон внезапно окажется на его стороне.

Но сначала требовалось его отыскать и допросить. Уже перед самой дверью в квартиру Грэга я внезапно спросил у него:

– Скажи, а где обычно проводит вечера сын нашего князя?

Тут дверь открылась, и супруга репортера – прекрасная Элен, не задавая лишних вопросов, умело приняла тело своего нетрезвого мужа. Но Грэг все же успел пробормотать, прежде чем Элен захлопнула дверь перед самым моим носом:

– Кабаре «Три сестры», поспрашивай там...

VIII. Великокняжеский сын

Следующие несколько часов, оставшиеся до вечера, я потратил с пользой, изучая все возможности мехвагена. Когда еще доведется побаловаться с такой игрушкой? Я выехал за пределы города и уже там разгонялся, как только мог, отрываясь от следующих за мной на некотором расстоянии соглядатаев, потом резко тормозил, оставляя на пыльной дороге длинный след. Затем разворачивался и мчался в обратном направлении, по дороге натываясь на знакомый неприметный мехваген. И так несколько раз, туда и обратно. Думаю, в эти часы в мою сторону полетело не одно проклятие. К счастью, я их не слышал. Зато, проезжая в очередной раз мимо, отчетливо разглядел лица тех, кто сидел в нем. К моему удивлению, я их не знал. Пусть я ожидал увидеть Жукова и Вульфа, но мало ли у великого князя людей?..

Я катался не просто так, убивая время, а размышляя и анализируя. За рулевым колесом мне думалось лучше. То, что рассказал мне Грэг, требовало глубочайшего осмысления. Если он прав, то следы Жорика придется искать не только в Фридрихсграде, а по всей стране: от Охотского моря и до Северного. И в столице – месте тысячи удовольствий, любимой обители извращенцев всех видов и мастей. На какой-то миг мне даже стало страшно – показалось, что я хочу объять необъятное.

После, когда кататься мне наскучило, я вернулся в город через южные ворота. На вышке болтался воздушный шар, привязанный толстым канатом. Таких шаров по всему городу было с десятков – они обеспечивали качественную работу переговорников. Как именно, не знаю, я ведь не инженер.

Шар натолкнул меня на определенные мысли. Достав свой переносной переговорник, я связался с больницей. Представившись сотрудником криминального сыска, я поинтересовался состоянием здоровья поступившей на их попечение актрисы Лямур. Словоохотливая дежурная, и не подумавшая усомниться в моем праве задавать вопросы, тут же рассказала, что состояние госпожи Лямур неизменно. Она до сих пор находится в глубоком шоке и так и не пришла в сознание. Врачи делают все возможное, но пока безрезультатно. Поэтому лучше всего еще раз поинтересоваться ее здоровьем завтра утром. Возможно, к тому времени Лямур придет в себя. Сейчас же она находится, помимо всего прочего, под надежной охраной господ полицейских. Успокоившись по поводу ценной свидетельницы – по крайней мере до утра, – я отключил переговорник.

Вечерело, погода испортилась, накрапывал дождь. Холодные колючие капли били в лицо. В такие вечера лучше всего сидеть дома, в семейном кругу, растопить камин, удобно расположиться в кресле и читать интересную книгу, потягивая пиво из высокого стакана. Или слушать сестренку, которые, будучи в хорошем настроении, весьма любили поболтать обо всем на свете. В основном говорила Лиза, вспоминая события минувшего дня, а Петра больше молчала, но иногда в беседу вступала и она, изображая кого-нибудь из знакомых, да так похоже, что я улыбался, и тогда сестры радостно смеялись, довольные. Им было хорошо друг с другом, а мне – с ними.

Людская молва, по счастью, до сих пор обходила нас стороной. Мало кто знал, что мы живем втроем – этаким общиной, даже, скорее, коммуной. Хотя слухи, уверен, кружили по кварталу, но мне было на это наплевать. Повезло, что сплетни пока не добрались до представителей Единой церкви, а то бы святые отцы, несомненно, заявили в мой дом с нотациями. Я-то старый агностик. Пока мне на деле не докажут, что бог есть, я в него не

поверю, а так как подобных доказательств никто в мире предоставить не в состоянии, то я попросту избегал всех религиозных разговоров, не был крещен и не посещал церковь. А вот девочкам могло достаться – они были достаточно набожны, умудряясь только им понятным способом сочетать с верой в бога наш довольно странный и сомнительный с точки зрения церкви и общественной морали образ жизни...

Кабаре-ресторан «Три сестры» я хорошо знал и много раз бывал там прежде, как по работе, так и для развлечения. От других подобных заведений кабаре отличалось своим особым стилем, балансировавшим на тонкой грани дозволенного законом. Я и прежде подозревал, что у директора кабаре имелись высокие покровители, иначе заведение прикрыли бы давным-давно, а теперь, узнав, что это излюбленное место отдыха Константина, убедился в этом наверняка.

Уже при входе, едва миновав внушительную охрану – оружие мне оставили, но лишь после того, как я показал княжескую бумагу, – меня встретили соблазнительные красотки, способные одним своим видом свести с ума любого. Они подхватили меня с двух сторон под руки и провели за один из столиков с хорошим видом на сцену, всю дорогу прижимаясь ко мне.

Да, если бы не воспоминания о близняшках, ждущих меня дома, я мог бы поддаться очарованию местных красавиц, как любой здоровый мужчина с традиционными вкусами.

«Три сестры» все же в первую очередь было увеселительным заведением, а не публичным домом в прямом смысле этого слова. Хотя при желании – и за некоторую, весьма значительную, сумму – посетитель и мог уединиться с одной из девушек в частных кабинетах. Но не каждая девица, работающая здесь, оказывала услуги подобного рода. Все происходило исключительно по обоюдному желанию и согласию. Девушек приходилось скорее уговаривать, чем покупать, – этим и отличались «Три сестры» от прочих мест, где женского согласия никто не спрашивал: платят – иди и отработывай, хочешь ты того или нет. Желтобилетных традиционно считали за людей второго, а то и третьего – низшего – сорта, отбросами общества. Но вряд ли кто-то осмелился бы оскорбить подобными словами местных девушек – воплощение манер, грациозности и привлекательности.

С моего места прекрасно просматривался и зал, и другие столики, в то время как одна из колонн удачно скрывала меня от чужих взоров. Пришел я рано, все главное веселье начиналось ближе к десяти часам вечера и длилось до самого утра. Но оркестр играл модную мелодию, певица обладала приятным голосом, пиво мне подали сносное, поэтому я был доволен и сидел себе, неспешно потягивая пенный напиток и украдкой разглядывая посетителей.

Постепенно зал наполнялся людьми, стосковавшимися по веселому времяпрепровождению. Были здесь и армейские офицеры, и купцы, и люди государственные, и даже представители криминального мира – из самых уважаемых, – и дворяне, как вполне состоятельные, так и не обремененные родительскими капиталами, – словом, общество собралось цветистое и разномастное.

Вели себя посетители спокойно, пока находясь в состоянии относительной трезвости и ясности ума. Те, кто посолиднее, пришли с собственной охраной. Но оружие у них изъяли еще на входе. Впрочем, мордовороты-охранники и безо всякого оружия, одними лишь голыми руками способны были утихомирить любого буяна.

Я терпеливо ожидал появления Константина, неспешно попивая пиво. Чуть позже половой принес мне тарелку с жареными ребрышками в качестве закуски. Быстрая езда

пробудила аппетит, и я с удовольствием впился зубами в сочное мясо. Теперь я запросто мог протянуть хоть до самого утра. Вот бы все мои засады отличались подобным комфортом!

Тем временем началась основная программа. На полукруглую сцену выбежали девицы, облаченные в откровенные одежды и украшенные яркими, как у попугаев, перьями.

Канкан считался весьма зажигательным танцем и только лишь набирал популярность в империи. Пусть мы с Британо-Франкским союзом и находились в весьма натянутых отношениях, грозящих в любой момент перерасти в войну, но все новшества с той стороны у нас перенимались с большой охотой. Так что девичьи махи ногами выше головы, резкие движения рук, шпагаты и трюки с юбками давно уже практиковались и в Руссо-Пруссии, а одеяния танцовщиц становились все откровеннее и откровеннее, особенно демонстрируемое ими нижнее белье и чулки, от которых у каждого мужчины текли слюнки.

Девицы танцевали с энтузиазмом, и все вокруг самозабвенно аплодировали им. Очарованию поддались даже самые чопорные из присутствующих гостей. Танец жизни, молодости и красоты не оставил равнодушным никого. Но каждого гостя, кто забывался и тянул к танцовщицам руки, немедленно перехватывали вышибалы и, несмотря на чины и звания, вежливо, но твердо препровождали к выходу. Даже телохранители не вмешивались, если их подопечных выставляли, соблюдая внешние правила приличия. Таковы были неписанные законы сего заведения, и им подчинялись все гости, если желали еще раз оказаться в этих стенах.

Я, охотно наблюдая за танцевальной эквилибристикой, не забывал и поглядывать по сторонам, поэтому сразу заметил, когда в дальней части зала появился Константин в сопровождении пары приятелей и пятерки телохранителей. Его можно было легко узнать: в газетах часто мелькали его портреты в разделе светской хроники.

Константин Платонович был настоящим красавцем. Сторож конюшни несколько не преувеличил. Высокий, стройный и по-военному подтянутый, брюнет с серыми, даже, скорее, стального цвета глазами, с тонкими по моде усами, широкоплечий и узкий в талии, богато одетый, гордый и независимый, один из претендентов на императорскую корону – он легко покорял сердца представительниц прекрасной половины человечества.

Так он выглядел в любой другой день, но только не сегодня. Константин шел слегка ссутулившись, сунув руки в карманы пиджака и нервно озираясь по сторонам, словно в любое мгновение ожидал нападения. Приятели его держались чуть позади, явно недоумевая, что такое приключилось с их господином. Телохранители же старательно оберегали Костаса от любых посягательств. У них, как и у меня, оружия не отобрали – безопасность императорской семьи выше любых внутренних правил и распорядков.

Константин Платонович прошел к полузакрытой ложе и уселся на мягкий диван, его приятели устроились рядом, что-то шумно между собой обсуждая, а телохранители привычно расположились вокруг ложи. Тут же объявилась пара половых, быстро принявших заказ от приятелей Князя-младшего. Сам же он в обсуждении меню не участвовал, а феерическим действием на сцене не интересовался вовсе.

Что-то угнетало его, грызло изнутри, тревожило. И я догадывался, что именно. Убийство Аскольда Ромуальдовича, произошедшее всего несколько часов назад, никак не могло выветриться из сознания Костаса.

Что ж, пришло время нам пообщаться!

Я встал со своего места и неспешно направился к княжеской ложе. При моем приближении телохранители заволновались, но я спокойно остановился и жестом подозвал

одного из них к себе, а когда тот подошел, то продемонстрировал ему мой «лист вседозволенности».

Телохранитель перечитал бумагу дважды, а подпись и печать великого князя чуть ли не обнюхал, но, убедившись в их подлинности, лишь поклонился и, вернувшись к своим коллегам, что-то быстро им объяснил.

На меня кинули несколько заинтересованных взглядов, но уже не хваталось за револьверы, как только я продолжил свое движение к ложе. До нее оставалось не более семи шагов, когда великокняжеский сын внезапно заинтересовался происходящим и поднял на меня взгляд. Давненько уже я не видел в чьих-либо глазах такого неподдельного, животного ужаса.

Костас смотрел на меня как кролик на удава, замороженный и подавленный.

Внезапно я осознал, что смотрит он вовсе не на меня, а словно сквозь мое тело, на что-то за моей спиной. И тут же вокруг послышались первые недоуменные крики.

Я резко обернулся. Прямо от дверей через весь зал к нам четко, размеренно шагали два моих недавних знакомя, те самые соглядатаи, что следили за мной от самой резиденции великого князя и коих я принял за его доверенных людей. Вот только теперь я так уже не думал.

Одинаково высокие, широкоплечие, крепко сбитые, в дорогих костюмах, с аккуратно повязанными галстуками, поверх – черные плащи до колен, на головах – шляпы, не модники, но люди, знающие себе цену, в руках они держали смертоносное изобретение – «томми-ганы», или же, другими словами, пистолеты-пулеметы полковника Томпсона – любимейшее оружие «гангстеров», как называли бандитов по ту сторону Атлантики. Вот уж не думал, что у кого-то в наших краях имеются подобные диковинки.

Я выхватил револьвер, нырнул за ближайший столик и тут же перевернул его, и в этот момент незваные гости открыли огонь. Пули летели хаотично, поражая случайные цели.

Вокруг завизжали женщины, посетители бросились к выходу, по широкой дуге огибая опасный участок и считая все на своем пути, музыка стихла, танцовщицы мгновенно исчезли за кулисами. Вышибалы не показывались, понимая, что против ураганного огня «томми-ганов» не помогут никакие крепкие кулаки.

Только телохранители Костаса открыли ответную стрельбу, но они находились в невыгодном положении, и двое из них погибли почти сразу.

Я видел, что убийцы шаг за шагом приближаются к цели, и понял, что все это кончится для великокняжеского сына плачевно. Поэтому недолго думая я выскочил из своего временного укрытия и, отстреливаясь на бегу, подскочил к княжеской ложе. Один из приятелей Костаса был к тому времени мертв, а второй куда-то испарился. Сам же Князь-младший сидел словно замороженный и не предпринимал ни малейших попыток спастись. Ему повезло, он пока даже не был ранен, хотя пули вокруг так и свистели.

– Прикройте нас! – крикнул я оставшимся телохранителям. – Я уведу его через черный ход!

Они отреагировали правильно и быстро, вновь открыв беспорядочную стрельбу, которая на время заставила убийц притормозить. Я же со всего размаху отвесил Костасу крепкую оплеуху. Оскорбление императорской крови действием – тяжкое преступление, за которое следовало одно наказание: смерть. Но сейчас было не до сантиментов.

Константин очнулся и недоуменно поглядел на меня. Кажется, его ударили по лицу впервые в жизни, и он еще не сообразил, как следует реагировать в подобном случае. Что ж,

я ничего не мог ему подсказать, все когда-то случается впервые.

– Меня прислал ваш отец! Следуйте за мной и останетесь живы!

Он кивнул, и мы, чуть пригнувшись, побежали между столиков на служебную половину заведения, где, как я твердо знал, был запасной выход.

Телохранители погибали, но не сдавались, и дали нам несколько минут форы. За это время мы успели миновать узкие коридоры и выбежать на улицу, под проливной дождь, тут же промокнув насквозь. Но эта проблема волновала меня сейчас меньше всего.

Мы обежали здание кругом и выбрались к парадному входу. Я с радостью увидел свой мехваген, стоявший напротив через улицу. Машина же моих преследователей оказалась прямо перед нами, и я недолго думая несколькими выстрелами пробил оба боковых колеса с моей стороны.

– Нам туда! – указал я Костасу.

– Машина отца, – узнал он, и уже через полминуты мы сидели в удобном салоне. Мотор завелся с полоборота – отечественное качество!

Мехваген сорвался с места, оставляя за собой на мостовой длинные черные следы жженой резины, которые тут же смывал ливень. Через несколько долгих мгновений мы добрались до перекрестка и свернули направо, но перед этим я успел заметить в зеркало заднего вида, как из дверей кабаре выбежали двое с «томми-ганями», подскочили к своей машине и замерли там, увидев простреленные колеса.

Я же только набирал скорость, молясь про себя всем богам и демонам, в которых не верил, чтобы мехваген не занесло на одном из поворотов и чтобы мы с Костасом сумели оторваться от преследования. А уж там, оставшись наедине, в укромном месте, мы обязательно разберемся, кто убийца, а кто лишь случайная жертва.

И да простит меня великий князь за то, что я сделаю с его сыном, если буду окончательно уверен в собственной правоте.

IX. Бегство

У меня было всего два варианта, как поступить: либо сдать Костаса под крыло его отца, и пусть разбираются дальше сами, либо же спрятать великокняжеского сына до поры до времени. Немного поразмыслив, я выбрал второе.

Люди великого князя – большие профессионалы, но те, кто не побоялся пойти против императорской фамилии, найдут способ достать Костаса где угодно. Действуют они нагло и решительно, это я лично могу засвидетельствовать. Так легко меня давно никто не обводил вокруг пальца. Да с чего я вообще решил, что мехваген, следивший за мной от резиденции князя, послан по приказу самого князя?!

Теперь-то очевидно, что люди со столь редкими в наших краях «томми-ганями» к князю никакого отношения не имели. Покушение на Константина Платоновича – это не рядовое событие. Теперь убийц будут искать не только все полицейские города и люди самого великого князя, но и каждый свободный охотник за головами.

Значит, дело, по их мнению, того стоило. А правда ли, что Костас – убийца? Могло оказаться, что его попросту сделали козлом отпущения, а директор театра оказался случайной жертвой. И вообще, связаны ли между собой смерть директора и покушение в кабаре? Или это всего лишь совпадение?..

Одно я знал точно. Убийцы были достаточно информированы, чтобы следить именно за мной, надеясь, очевидно, что я приведу их напрямик к великокняжескому сыну, как в итоге и получилось. Это значит, что некто в окружении великого князя дал им соответствующую наводку. Проследив за мной, они гарантированно рано или поздно выходили и на Константина.

Но, зная мое имя, легко найти и мой дом. И теперь, не сумев убить Князя-младшего, убийцы могут явиться туда. Как только я это сообразил, тут же изменил маршрут, надеясь успеть и прибыть на место первым.

Мехваген неся сквозь ливень, как хищный зверь, вырвавшийся на свободу, и вскоре мы добрались до места. С первой перечеркнувшей небосвод молнией я остановился возле дома. Где-то в вышине громынуло.

– Ваша светлость, прошу за мной.

Костас беспрекословно покинул мехваген, и мы направились к крыльцу.

В окнах второго этажа уютно горел свет. Но я много раз видел, как внешние безмятежность и спокойствие могли скрывать хаос и разруху. Слишком уж часто я бывал на местах преступлений.

К счастью, обошлось. Сестры сидели в верхней гостиной в целости и сохранности. Петра читала книгу, а Лиза игралась с довольно крупным на вид пушистым котенком. Сказать по правде, я совершенно позабыл об утреннем разговоре и сейчас уставился на котенка, не понимая, откуда он здесь взялся. И только спустя несколько долгих мгновений сообразил, что они все-таки купили его, как и собирались.

Я сделал знак Костасу задержаться в коридоре, а сам шагнул в комнату.

– Кира, наконец-то! – Лиза, как всегда, первая бросилась ко мне, подхватив котенка – причем обеими руками, настолько он был крупным и тяжелым. – Посмотри, какое чудо! Его Петрушка нашла. Он такой милый и пушистый, как одуванчик!

Котенок недовольно мявкнул, но вырываться из цепких рук Лизы и не пытался, так и

болтался на весу, словно игрушка. Был он на вид нескольких месяцев от роду, но выглядел значительно крупнее обычных котят, а взгляд у него оказался такой серьезный, словно он являлся действующим императором вселенной, а странные суесящиеся существа вокруг – лишь глупые подданные.

– Мы назвали его Вилли!

Не знаю, подходило ли такому важному коту легковесное имя Вилли, но спорить я не стал, тем более что сейчас мне было совсем не до котенка. Я мимоходом погладил его. Вилли отреагировал достаточно благосклонно – прикрыл глаза и замурлыкал, с первого взгляда признав хозяина дома.

Я покачал головой и сказал:

– Собирайтесь, мы уезжаем!

Близняшки всполошились, но, к счастью, обошлось без вопросов. Костас, чуть выступив вперед, вдруг оказался в их зоне видимости, и хотя стоял тихо, но сыграл свою роль. Если чужой в доме, значит, дело серьезно. Обычно мы гостей не принимали, нам хватало и собственной компании.

Сестры тут же умчались в свою комнату, а я предложил Константину присесть на диванчик и освежиться. Тот не отказался и жадно осушил бокал вина.

Новый жилец моего дома – котенок Вилли, уже освоившийся в доме, – лихо запрыгнул на диван и сел рядом с Костасом, искоса поглядывая на молодого человека большими желтыми глазами. Мне показалось, что он отнесся к потенциальному наследнику короны империи недоверчиво, с подозрением, и решил лично проследить, чтобы гость вел себя прилично.

Я передал Костасу всю бутылку, и тот незамедлительно налил себе еще бокал. Что ж, пусть снимет напряжение, так даже лучше – легче будет его разговорить. А в том, что нам в скором времени придется потолковать по душам, я даже не сомневался – дайте только выбраться в безопасное место...

– Они меня найдут, – вдруг сказал он. – Нам не скрыться, не сбежать. Они найдут меня и убьют.

И столько в его голосе слышалось безысходности, что я сразу не нашелся с ответом. Казалось, из Костаса ушла вся жизнь, а осталось одно только отчаяние. Не вязалось это с тем образом своенравного, но бесстрашного человека, о котором я был наслышан прежде.

– Ваша светлость... – начал было я, но Константин прервал меня на полуслове:

– Вы сказали, что служите моему отцу?

– Он нанял меня для одного деликатного дела, – я аккуратно ушел от точного ответа, – но его выполнение привело меня непосредственно к вам.

– Значит, мне очень повезло, – кивнул Костас и подлил себе еще вина. – Иначе я был бы уже мертв. Они убили бы меня прямо там, в кабаке.

– Кто за вами охотится и почему? Что это за люди?

– Люди? – криво ухмыльнулся великокняжеский сын. – Не думаю, что они могут называться людьми...

Но договорить он не успел. Я резко поднял руку, призывая молчать. Мне показалось, или там, за окном, за звуками дождя затарахтел мотор?

Я подскочил к выключателю и вырубил свет в комнате, а через мгновение уже чуть отодвинул штору, всматриваясь в уличную непогоду. Благо редкие фонари все же давали достаточно света, чтобы разглядеть крыльцо и часть улицы.

Нет, мне не послышалось. Звук моторов нарастал, и к дому медленно подъехали сразу два мехвагена, и из них начали выходить люди. Один, два... четыре... восемь... Все они выглядели словно близнецы: дорогие костюмы, черные плащи, шляпы – и «томми-ганы» в руках.

Мое предчувствие полностью оправдалось – адрес дома был им известен, и, как только убийцам стало понятно, что мы с Костасом оторвались от преследования, они тут же дали знать своим сообщникам, и те явились прямиком сюда, проверить, не был ли я так глуп, чтобы притащить Костаса к себе.

Не окажись нас здесь, эти люди попросту забрали бы сестер, а после могли бы диктовать мне любые условия. И я бы принял их все, без малейших раздумий.

Люди на улице стояли напротив моего дома, ожидая чего-то. Они не курили и не переговаривались между собой. Просто стояли и смотрели на темные окна первого этажа. Черт! В гостиной-то я свет успел выключить, но в комнате сестер он наверняка горит, ведь они не знали, что нужно затаиться. Значит, времени у нас в обрез.

Я достал из ящика комода второй револьвер и горсть патронов.

– Думаю, умеете пользоваться.

Константин скептически взял револьвер, но все же принялся вставлять патроны в барабан, а я тем временем поспешил в комнату близняшек. Атака могла начаться в любой момент, нужно было успеть покинуть дом как можно скорее.

План отхода у меня имелся. Все, что мне требовалось, – это лишь несколько минут форы.

Сестры быстро упаковывали чемодан, но тут же прекратили свое занятие, заметив меня в дверях.

– Поздно, они уже здесь. Бросайте все и быстро за мной!

Что мне в близняшках особенно нравилось – они никогда не заставляли повторять дважды. Ценнейшее и невероятно редкое женское качество. Проще найти золотой самородок, пнув случайный камень на дороге, чем встретить женщину, которая не задает лишних вопросов. А у меня сразу две таких!

Костас выглянул в коридор и сообщил:

– Они все не начинают. Смотрят на окна.

– Это хорошо, может, успеем, – прикинул я. – Идем вниз, только очень тихо!

– Ой, я быстро! – Лиза молнией метнулась в гостиную, я не успел ее перехватить. Петра остановилась на лестнице, поджидая сестру. Вот, сглазил, перехвалил близняшек.

– Я ее заберу, а ты проводи Константина Платоновича в мой кабинет, – сказал я таким тоном, что Петра и не подумала ослушаться.

Они продолжили спуск, а я зашел вслед за Лизой в гостиную.

Девушка сидела на полу и пыталась засунуть Вилли в фанерный ящик для переноски. Котенок упирался всеми четырьмя лапами, не желая лезть внутрь. Лиза все никак не могла с ним совладать.

– Ну, милый, пожалуйста! – увещевала она. – Это ненадолго! Так надо!

Вилли с ее доводами не соглашался, считая, что даже кратковременная несвобода – это не для него.

Я выглянул в окно. Именно в этот момент темные силуэты людей сдвинулись с места. Восемь человек шагнули вперед одновременно, как единое целое. От этого зрелища мне стало не по себе.

Одним резким движением сунув кота в ящик, я подхватил его левой рукой, правой же поднял на ноги Лизу и потащил за собой, отсчитывая в голове секунды до первых выстрелов и надеясь, очень сильно надеясь, что мы все же успеем добраться до кабинета...

Едва мы ввалились в кабинет, как началось.

Сухо затрещали «томми-ганы», зазвенело стекло, а я сбил Лизу на пол и накрыл своим телом. Костас не задумываясь так же прикрыл собой Петру.

Чужаки расстреливали мой дом, не жалея патронов, безо всякой жалости к тем, кто был внутри. Они пришли убивать. Они несли смерть.

Дождь охлаждал раскаленные стволы «томми-ганов», извергающие из себя огонь и металл, не давая им перегреваться. Барабанный магазин рассчитан на сто патронов, а восемь магазинов не оставляли нам ни единого шанса.

Мой любимый кабинет за одну минуту разнесли в пух и прах. Толстые кирпичные стены пробить было сложно даже из автоматического оружия – дом в свое время строили на века, но разбитые стекла только чудом никого не порезали, щепы отлетали от массивных книжных полок, холодный осенний ветер тут же ворвался в комнату и закружил в воздухе клочки бумаги.

Хаос и разрушение царили вокруг.

Выстрелы стихли. Стрелки либо заряжали барабаны, либо уже готовились войти в дом. В любом случае времени у нас почти не было.

Я подскочил к оконному проему и один за другим высадил в темные силуэты все патроны. Лишь один упал, но быстро поднялся на ноги, а остальные вновь вскинули оружие. Второго залпа ни дом, ни мы не переживем, это я понял четко.

– Обычными пулями их сложно взять! – прохрипел Костас. – Попробуйте вот это!

Он кинул мне какой-то предмет, и я ловко поймал его свободной рукой. Удобная рукоять с мягким выступом под указательным пальцем и идущая вперед короткая трубка. Оружие? Но где здесь вставляется магазин? Да и трубка была не полый.

– Сбоку предохранитель, поставьте в режим боя. Потом направьте ствол на них и жмите на выступ! – подсказал Костас.

Я так и сделал. Навел странное оружие на ближайшего стрелка и нажал на выступ. Оно чуть вздрогнуло в моих руках, а один из силуэтов внезапно отлетел назад на несколько шагов. Вот так чудо-оружие!

Но развить успех мне не дали. «Томми-ганы» вновь начали свою смертоносную песню, а стрелки быстро двинулись к крыльцу.

Я сунул оружие в карман и, пригнувшись, подбежал к своему рабочему столу. Там имелся некий секрет, за который я в свое время щедро заплатил мастерам.

Нажав на неприметный выступ с внутренней стороны столешницы, я заставил казавшиеся монолитными боковые полки со скрипом отодвинуться от стены на полшага, прежде чем они во что-то уперлись и остановились. Но этого нам хватило.

Первыми в секретный проход протиснулись сестры, не забыв прихватить ящик с котенком, следом за ними пролез Константин, а потом и я. Нашупывая рычаг, возвращавший полки в первоначальное положение, я услышал, как внизу с треском вылетела входная дверь. Гости вошли в дом. А мы в тот же момент его покинули.

Пыль и кирпичная крошка забивались в легкие, затрудняя дыхание и вызывая кашель, но винтовая лестница быстро кончилась. Мы оказались в небольшом подвале – четыре на два шага, выхода из которого, казалось, не было. Но была и вторая – скрытая лестница. Доступ к ней находился под крышкой люка, которую скрывал тонкий слой земли. А там уже рукой подать и до первого подземного туннеля.

Едва я получил дом в свою собственность, то сразу озаботился вопросом скрытого отхода. При моей работе это необходимость. Родители были люди богобоязненные и миролюбивые, ни о чем подобном и не думали. Поэтому мне пришлось начать с нуля.

Но все бы ограничилось обычным черным ходом, ведущим на задний двор, если бы случайно мне не попали в руки старые карты этого района. Внимательно их изучив, я заметил, что прямо под домом на небольшой глубине располагается подземный туннель – одно из многих позабытых ныне ответвлений центральной городской сети, построенной еще пару столетий назад, но частично заброшенной, частично обрушившейся, а частично используемой и поныне.

Мне повезло, мой отрезок туннеля выводил прямым к направляющему участку, проходящему наискосок через весь город. Да, нынешние власти знали о подземном лабиринте, более того, пользовались им в своих целях, а все опасные ходы-выходы давно перегородили решетками. Но все же знающий человек всегда мог найти два-три пути, чтобы выбраться наружу в самых неожиданных местах города.

Мне же сейчас не требовалось даже этого. Все, что я хотел, это убраться подальше от моего разрушенного дома, спастись самому, но в первую очередь – уберечь сестер. Я чувствовал себя виноватым, что втянул их во все это. Великокняжеский же сын находился, признаюсь, на последнем месте в списке приоритетов. Точнее, все же на предпоследнем. Что ни говори, но я все же взялся за это дело, а значит, должен был уберечь его от беды, чего бы это мне ни стоило. Свою бы жизнь я за него отдал, даже если он преступник, заслуживающий наказания, но жизни сестер – никогда.

Я зажег припрятанный мною заранее факел. Стало светлее, уже можно было не опасаться споткнуться в темноте и переломать ноги.

Вилли громко мявкнул в своем ящике, напоминая, что нужно поторопиться. Я пошел первым, поминутно оглядываясь и контролируя группу.

– Придется потерпеть. Лиза, Петра, все в порядке? Ваша светлость, нам предстоит немного прогуляться...

– Позвольте полюбопытствовать, как вас по имени-отчеству?

– Кирилл Бенедиктович Бреннер, – отрекомендовался я, не замедляя шага. – Частный сыщик.

– Не считите за грубость, – юный князь старательно подбирал слова, – но давайте в наших сложных реалиях все же обращаться друг к другу менее официально?..

Лиза захихикала. Она всегда страдала общей несдержанностью эмоций.

– Меня можете называть просто – Константин Платонович, – продолжил мой подопечный, подмигнув Лизе. – Все эти чины – они ни к чему.

Ишь какой приткий, он недаром слыл известным дамским обольстителем. Когда сын великого князя – да так запанибратски – перемигивается с обычной институткой – как уж тут

не влюбиться бедной девушке?..

– Что ж, – согласился я с предложением, но решил не переходить невидимую грань, – а меня зовите Бреннер. Это подойдет.

– Лиза!.. Петра! – вежливо представились мои девочки, разве что в книксене не присели, а так, со стороны, учитывая обстоятельства, казались самой любезностью.

Но я-то знал, как они относятся к представителям императорской фамилии. Сестры их ненавидели, не делая исключений. Когда родители девушек погибли в результате несчастного случая, то все их немалое имущество досталось вовсе не дочерям, а ушлым родственникам, и даже прошение на высочайшее имя несколько не исправило ситуацию. То ли великий князь не удосужился его прочесть, то ли некие высшие интересы оказались важнее, чем девичьи судьбы. Но в результате близняшки оказались на улице безо всяких средств к существованию. Тогда-то я с ними и познакомился волею судеб... Так что, если Костас намеревался охмурить Лизу, ему всячески нужно было скрывать свое происхождение, а никак не выпячивать его.

Шли мы долго, не меньше часа. Я старался уйти как можно дальше от дома. Сейчас, в ночное время, выбираться на улицы я не рискнул. Любой городской тут же поднимет шум и вызовет полицию, а в сложившихся обстоятельствах я не был уверен, что это нам подходит.

Ящик с котенком Лиза и Петра тащили по очереди, отказавшись от предложения Костаса помочь. Я видел, что князьему сыну они не доверяют. Мне же было не до котенка, главное – не потеряться в лабиринте туннелей, я постоянно мысленно сверялся с картой, которую некогда старательно заучил, и очень надеялся, что память меня не подводит. Заплутать в подземном лабиринте было легко, а найти выход наружу – невероятно сложно. Но пока мы не потерялись, я узнавал отметки на стенах, служившие ориентиром, и достаточно уверенно мог сказать, под каким именно кварталом мы в этот момент находимся.

Нас никто не преследовал, хотя я прислушивался постоянно, опасаясь, что стрелки бросятся за нами в погоню. Но то ли они не обнаружили секретный ход, то ли не рискнули сунуться вниз, не обладая знаниями о подземных туннелях, – в любом случае за нами не гнались. Чем дальше мы уходили от дома, тем меньше шансов оставалось у наших преследователей.

Еще через полчаса я окончательно уверился в том, что никто за нами не гонится. Кажется, и на этот раз я сумел переиграть таинственных противников и уже дважды спасти жизнь великокняжескому сыну. Вот только мой разрушенный дом – не самая малая цена за подобное. Оставалось лишь надеяться, что великий князь оценит понесенные мной потери и компенсирует все, чего я лишился. Некоторые могут обвинить меня в излишней меркантильности, пришедшей с возрастом, и я с ними не спорю. Они совершенно правы. Когда ты отдал служению Отечеству многие годы, а в итоге остался только с тем, что скопили для тебя за это время небогатые родители, поневоле станешь считать деньги и ценить их. Я и не скрывал: платите сыщику Бреннеру столько, сколько он заслуживает, и сыщик Бреннер сделает все возможное, чтобы вам помочь, но никогда и ни за что сыщик Бреннер не предаст своего нанимателя и не перейдет на сторону того, кто платит больше. Таковы правила жизни сего сыщика, и он им следует неукоснительно.

Наконец, посчитав, что мы удалились на достаточное расстояние, я объявил короткий привал.

Припасов у нас не было, даже воды, которая сейчас пришлась бы кстати. Но сестренки мужественно терпели лишения, не упрекнув меня ни словом. Они выпустили Вилли слегка размять лапы, предварительно повязав ему на шею веревку-поводок, словно собаке. Еще не

хватало, чтобы котенок сбежал в подземные туннели, – век не сыскать.

Я же сел на каменный пол и привалился к стене. День выдался на редкость суматошным, признаюсь, устал я изрядно. Костас расположился рядом со мной. Сейчас он выглядел значительно лучше. Из его глаз почти исчез страх. Как видно, сказывалось присутствие сестер. Женщины, да еще молодые и прекрасные, во все времена одним своим видом вдохновляли даже самого трусливого мужчину на подвиги и свершения.

Константин прикрыл глаза, отдыхая, а я вытащил из кармана странный пистолет. При внимательном рассмотрении он показался мне еще более удивительным, чем прежде. Литая массивная рукоять, которая так удобно ложилась в руку, цельная трубка-ствол, хитроумный боковой предохранитель, еще один непонятный рычажок и выступ-курок. Пистолет не разбирался – по крайней мере, я не смог понять, как отсоединить ствол от рукояти. Даже как вытащить магазин, я не догадался, хотя провел с оружием в руках всю свою сознательную жизнь. Конструкция была совершенно нетипичная, изумительная и поэтому загадочная.

– Это «дырокол», – пояснил Костас, следя из-под полуприкрытых век за моими манипуляциями. – Если выставить его на полную мощность, то прошибет насквозь кирпичную стену с двадцати шагов, что уж говорить о человеке... Второй рычажок – это регулятор. Обычно хватает и среднего положения.

Меня слегка передернуло, лишь только я представил, что случилось с тем стрелком, в которого я попал из этой штуки. Регулятор был выставлен на максимум.

– Как он действует? Чем стреляет? Как вытаскивается магазин?

– Принцип работы я не знаю, да это мне и не нужно. А как работает, вы и сами уже проверили. Магазин не вытаскивается. Его там вообще нет. Стреляет чистой энергией, число зарядов неограниченно. В чистке и прочем уходе оружие не нуждается. Бери, что называется, и пользуйся!

– И все же...

– Бреннер, вы же не спрашиваете у инженеров, как работает переговорник или благодаря чему ездят мехвагены. Вы просто пользуетесь ими, и все! Вот и тут – стреляйте на здоровье!

Кстати, с переговорниками и мехвагенами Костас попал в самую точку. И в том и в другом случае, несмотря на различие устройств, было общее. А именно – генератор энергии, или энерготанк, как его еще называли, основа работы обоих устройств. В переговорниках они были совсем крошечные – размером с таблетку, в мехвагенах – массивнее, но главное – ни один человек, за исключением особо приближенных имперских инженеров, не знал принципов их работы. При попытке разобрать энерготанки или каким-то образом воздействовать на них те попросту взрывались, саморазрушаясь и разрушая все вокруг, так что этот секрет – главный секрет империи – оставался нераскрытым до сих пор.

Каждый энерготанк переговорника или мехвагена имел свой срок действия, обычно не превышающий года, а приобрести новый на замену можно было только в Руссо-Пруссии у представителей особой инженерной имперской службы. Именно это и принесло империи процветание, сделав ее самой преуспевающей страной на мировой политической карте, причем произошло это за весьма короткий срок. Ведь мехвагены, переговорники, да и другие современные устройства успешно продавались во всем мире, а энерготанки производили только мы.

Кстати, поговаривали, что кайзер-император планирует переоборудовать весь боевой флот, оснастив корабли особыми энерготанками, еще более мощными, чем использовались в мехвагенах. Да и не только флот! Велись разговоры и о новейших разработках сухопутных

смертоносных систем, и о воздушном флоте. Случись такое – и кайзер-императорская армия станет сильнейшей в мире.

И сейчас, крутя в руках оружие, способное пробить кирпичную стену и запросто убить человека, я представлял, что случится, если такие «дыроколы» попадут на вооружение регулярной армии.

– Я оставлю его у себя, – уведомил я Костаса, тот лишь безразлично кивнул, а я сунул «дырокол» в карман.

Девушки отошли на десяток шагов от нас, выгуливая котенка. Самый подходящий момент, чтобы поговорить по душам.

– Послушайте, Константин Платонович, – негромко начал я, – это вы убили директора театра?

Вот тут великокняжеский сын наконец широко распахнул глаза и даже чуть привстал от волнения, но я жестом велел ему сесть обратно, чтобы не привлекать внимания близняшек. Незачем им слушать наши разговоры.

– Нет! Это не я! Клянусь!

– Но вы видели того, кто это сделал?

– Видел, – согласился Костас, его взгляд вновь потух, стал безразличным. – Это все она...

– Кто – она? – не сразу понял я.

– Белла, это она его убила.

– Может, не стоит наговаривать на несчастную девушку? – предложил я, прищурившись. Очень уж мне не нравились лгуны, пусть даже их дядя – сам кайзер-император. – Она не сумела бы ударить с такой силой, чтобы убить крепкого мужчину с одного удара. Это попросту невозможно.

Но Костас лишь пожал плечами, отвернувшись в сторону.

– Зачем мне врать вам, Бреннер?

– Вам виднее зачем. А вы знаете, что она носит ребенка? Вашего ребенка!

Он вздрогнул всем телом. А когда вновь посмотрел на меня, то опять, в который раз за этот долгий вечер, я увидел в его взгляде лишь глубочайшее отчаяние.

– Тем хуже для нее... и для меня. И уж точно – для ребенка.

Константин замолчал, вновь отвернувшись от меня, и большего я из него вытянуть не сумел.

XI. Фора

Дальше все шло как по маслу. Мы еще с полчаса блуждали по подземным галереям, пока наконец не выбрались наружу. Дождь все не прекращался, но, к счастью, мы оказались недалеко от цели.

Я решил, что в данных обстоятельствах лучше всего и для сестер, и для Костаса будет укрыться в надежном убежище и переждать там. И одно такое убежище у меня на примете имелось.

Феликс Мстиславович фон Шиллер, мой старинный приятель, происходил из древнего дворянского рода. Однако еще прадед его обеднел настолько, что не оставил своим наследникам ничего, кроме знатного имени. С тех пор фон Шиллеры так и не разбогатели, но честно служили стране. Феликсу повезло: он выжил, пройдя несколько войн, после работал в полиции и сейчас, находясь в почтенном возрасте шестидесяти семи лет, доживал свой век спокойно, проводя дни за любимым занятием – рыбалкой на ближней речке. Вечерами же он читал, наверстывая упущенное за годы службы, когда и на сон времени порой не хватало. Феликс Мстиславович прежде не имел ни жены, ни детей и только в последние годы сошелся с вдовой почти столь же почтенного возраста, которая так же, как и он, осталась на старости лет одна. Вдова чудесно готовила и боготворила статного и крепкого, несмотря на возраст, Феликса, а тот радовался непривычно тихим, по-семейному спокойным вечерам, необременительной компании супруги и не думал уже, что на его веку случится нечто экстраординарное.

Я Феликса знал много лет, встретившись с ним впервые во время одной из военных кампаний и вскоре крепко подружившись с ним. Поэтому я был уверен – Шиллер не откажет в просьбе.

Так и случилось. На стук в ворота и собачий лай он вышел быстро, держа одну руку за спиной. Не нужно было дара предвидения, чтобы угадать – в ней револьвер. Но, узнав меня, Феликс хмуро кивнул, махнул рукой псу, и тот мгновенно умолк. Хозяин отпер ворота.

Жил он в кирпичном доме с большим садом, вдали от суеты центральных городских кварталов. Я надеялся, что здесь Константина искать не станут. Оставалось лишь убедить великокняжеского сына пересидеть беспокойные дни в убежище и не высовываться.

Наша компания представляла собой довольно странное зрелище. Перепачканные в грязи, промокшие, одетые не по погоде, с ящиком в руках, из которого время от времени доносились угрожающие звуки, мы выглядели как бродячие цирковые артисты. Феликс не смог сдержать ироничной улыбки, но я его за это не осудил – картинка была живописная. Мы быстро прошли в дом. Чем меньше людей знало о нашем появлении, тем лучше.

Пока любезная Агриппина Тихоновна – жена Феликса – суежилась по дому, устраивая незваных гостей и грея самовар, я коротко переговорил с Шиллером, обрисовав сложившуюся ситуацию. В подробности я не вдавался, сказал лишь, что сын великого князя нуждается во временном убежище, как и мои близняшки, и если будет позволено, то мы пожили бы здесь несколько дней.

Как я и думал, Шиллер тут же заверил меня во всяческом расположении со своей стороны и предоставил свой дом в полное наше распоряжение на любой срок. Старый солдат, старая закалка. Для него, как и всегда, интересы империи стояли на первом месте, затмевая любые иные дела, даже его собственные. Как я догадывался, небольшой встряске он

даже обрадовался. Я не видел Феликса пару лет, но за это время он не слишком изменился, выглядел, как и прежде, подтянутым и стройным, словно семнадцатилетний, был по-военному гладко выбрит.

Пока мы беседовали с Шиллером, я краем глазом поглядывал за своими подопечными. Близняшки быстро нашли общий язык с хозяйкой, уже успели осмотреться в доме и с позволения Агриппины Тихоновны выпустили котенка из ящика. У Шиллеров в доме кота не было, только пес во дворе, поэтому Вилли конкурентов не встретил. Важно покинув ящик, он степенно потянулся всем своим тельцем и громко замыкал, требуя пищи. Старушка всплеснула руками и кинулась к крынке с молоком, стоявшей на столе, а девушки бросились ей помогать. Тут им будет хорошо, это я видел, и они найдут чем заняться, пока я буду занят решением проблем.

С Костасом все оказалось несколько сложнее. Лишь поздоровавшись с хозяевами, он сел на стул, закинул ногу на ногу и так сидел все время, с легким пренебрежением оглядывая скудную, по его разумению, обстановку дома.

Я подошел к нему и негромко заговорил:

– Константин Платонович, думаю, вам придется пожить здесь какое-то время...

– Ни в коем случае, – отрезал он. – Они найдут меня, и тогда всем придет конец.

– Никто вас здесь не найдет, а мне нужно немного времени, хотя бы несколько дней, чтобы во всем разобраться. И вообще, с чего вы решили, что стрелки повторят попытку? Да, они попытались убить, но потерпели неудачу. Сейчас же им придется непросто. Слишком уж многие станут их искать после пальбы в кабаре и у моего дома. Им поневоле придется затаиться, залечь на дно. Им будет какое-то время не до вас.

Костас задумался, но все же покачал головой.

– Я для них важен. Нет, не спрашивайте, я все равно не смогу вам сейчас этого рассказать. Но они не оставят меня в покое, уж поверьте. Они найдут меня, чего бы это им ни стоило. И ни вы, ни мой отец, ни все его люди не в силах меня защитить!

– Убийство директора театра связано с покушением на вашу персону?

– Я невиновен! Они хотели списать это на меня. Запятнать наше имя, но не вышло! Я пришел немного раньше, разгадал их план и успел скрыться, пока меня там не увидели. Вот они и решили действовать иначе. Жестко.

– Вот поэтому вам лучше отсидеться здесь. Разве не так? Никто не знает о моей связи с этим местом. А Шиллер – надежный человек, я за него ручаюсь. Дайте мне хотя бы двое суток! Ведь я тоже поверил вам, поверил в то, что вы – не убийца. Поверьте же и вы мне!..

В глубине души я и сам не знал, верю ли в невиновность Константина, но и явных доказательств его вины пока не находил. Да, он был в театре и сбежал оттуда, но он ли убил Аскольда Ромуальдовича? Зачем? Из ревности – вряд ли. Мне показалось, что такой тип, как Костас, столь высоко себя оценивающий, не стал бы пачкать руки подобным грязным делом. Скорее, он приказал бы своим телохранителям попросту избить директора.

Костас думал очень долго, но в итоге кивнул.

– Ладно, Бреннер, у вас есть двое суток. Я знаю вашу репутацию. Вы человек слова. Слышал, вчера вам удалось найти похитителя детей. Поздравляю!

Он странно поглядывал на меня, а перед моим мысленным взором внезапно мелькнуло лицо Жорика, его распахнутое нутро – и тварь, обретшая свободу.

Костасу я об этом, разумеется, рассказывать не стал. Не время и не место для откровений подобного рода. Достаточно, что я почти уверен в своем рассудке. Почти. Пусть в

глубине души я все же слегка сомневался, не причудился ли мне подселенец, не помутилось ли у меня в голове от сильного удара? И если бы я оказался одним из тех бедолаг, коих посещают видения, то мне оставалось лишь приставить револьвер к виску и спустить курок. Коротать остаток дней в приюте для умалишенных я бы не смог. Пуля в голову решает подобные проблемы раз и навсегда.

– Те стрелки... Что вы о них знаете? Кто они?

– Стрелки – наемники, хотя и не совсем обычные. За деньги убьют кого угодно.

– Они не похожи на местных...

– Колонисты. Как видно, недавно прибыли в город. Не все так просто, Бреннер. Это дело государственной важности, тут затронуты интересы империи. У нас много врагов, и это одни из них. Так что никакой жалости, никакого сострадания. Уничтожьте их первыми, пока они не уничтожили нас! Вы же понимаете, я не могу всего рассказать... но грядут перемены. Некие силы стремятся к переделу власти, и мы не должны этого допустить.

Перемены я не любил. Я понял давно, любые перемены – к худшему.

Колонисты... С ними я еще не сталкивался. За время своей работы частным сыщиком я вычислил и помог обезвредить не только множество преступников всех мастей, но и пару террористических организаций, обставив даже имперскую полицию и ее спецотдел. Но все мы работаем на общее благо, им не на что обижаться...

Одна из тех организаций была основана неким Ульбрехтом Серафимовым – недоучившимся студентом, сторонником террора, поборником теории классовой справедливости и всеобщего равенства. Я никогда не считал, что положительные перемены в обществе можно устроить силой. Ведь никакой классовой справедливости не существует, как и пресловутого равенства, это ясно. Люди изначально рождаются разными, отличаясь и по цвету кожи, и по состоянию здоровья, и, наконец, по умственным способностям. Кому-то дано стать великим ученым, кому-то известным адвокатом, а кто-то будет служить Родине с оружием в руках, находя в этом свое призвание. Люди могут быть равны лишь в своем патриотизме и стремлении принести пользу Отечеству, во всем же остальном они разнятся. Все измышления утопистов – лишь приманка для тунеядцев, желающих загрести жар чужими руками.

Серафимов отличался среди прочих тем, что всегда четко знал, что и кому обещать. Поэтому в свое время у него оказалось столь много сторонников, что спецотдел обеспокоился всерьез. К счастью для полиции и к несчастью для самого Ульбрехта, он внезапно увлекся идеей физического насилия, создал тайный клуб бомберов, на чем вскоре и погорел при моей непосредственной помощи. Лично мы с ним не сталкивались, но добытую в ходе одного расследования информацию я счел нужным передать Мартынову, и вскоре ячейку накрыла полиция.

О второй группе неудачников и вспоминать не хотелось, ничего серьезного они из себя не представляли. Их я вычислил еще проще и самолично произвел гражданский арест.

Как потом мне рассказывал Семенов, финансовый след от обеих групп тянулся далеко за океан. Где-то там, в колонии, и находился мозговой центр, оплачивающий всех и каждого, кто пытался дестабилизировать обстановку в Руссо-Пруссии. Уж очень им не давало покоя наше уверенное процветание.

Но то были цветочки, сейчас же, как видно, пошли ягодки. Такой наглости не ожидал никто. Приезд команды стрелков-убийц в чужое государство, покушение на особу императорской крови – это далеко не шутки. Кто-то решил сыграть ва-банк, а это значит, что

на кону серьезные ставки, только вот Костас не хочет посвящать меня в подробности. Хотя я не был уверен, что он сам знает слишком много. Не думаю, что великий князь, а тем паче – кайзер-император доверили бы девятнадцатилетнему оболтусу важные государственные секреты. Скорее всего, он случайно оказался причастен к этому делу. Но почему тогда стрелки охотятся именно на него? Как он умудрился стать их главной целью?

Итак, Костас волей-неволей временно оказался в центре событий. Сначала история с Беллой, затем убийство директора и, наконец, покушение в кабаре и вторая попытка – у меня дома.

Возьмем это за основу и будем отталкиваться от фактов. Если Константин послушает моего совета и просидит у Шиллеров обещанные двое суток, это даст мне небольшую фору.

Я уже знал, с чего следует начать расследование.

XII. Доклад

К утру распогодилось. Небо радовало глаз безоблачной синевой. Трудяги, спешившие успеть к началу рабочего дня, составили мне компанию на улице. Я не слишком любил утро, мое время – ночь. Но вчера я и не ложился, поэтому порция крепчайшего кофе, любезно сваренного Агриппиной Тихоновной, позволила вновь обрести бодрость духа.

Я поймал пролетку, и заспанный бородатый мужик повез меня по указанному адресу. Приют Святой Моники – идеальное место для всех попавших в беду женщин, отличавшееся стерильной чистотой и отсутствием мужчин даже среди персонала. Полицейские не могли оставить Арабеллу без присмотра, более того, они обязаны были беречь ее как зеницу ока, как собственную сестру, решившую прогуляться ночью в одиночестве в городском парке, как невесту, сообщившую, что идет в гости к подруге, но слишком уж долго прихоращивающуюся перед зеркалом, как сбережения, оставленные под неестественно высокие проценты в новом, только что открывшемся банке...

И все же полиции я не доверял. Плох тот солдат, который не знает, за кого он воюет, а нынешняя полиция сплошь и рядом состояла из случайных людей, соблазненных многочисленными привилегиями государственной службы, но не чувствовавших личной ответственности за происходящее в стране. И только в последние годы ситуация стала меняться в лучшую сторону, но, к сожалению, недостаточно быстро.

Поэтому я не слишком удивился, когда, явившись в приют, обнаружил, что все закрепленные распорядком правила защиты особо ценного объекта и патрулирования территории попораны самым что ни на есть бесцеремонным образом.

Городовые, призванные стоять на посту непосредственно рядом с палатой госпожи Лямур, мило болтали с медсестрами в другом конце коридора. Никого из людей Семенова тут и вовсе не оказалось: как видно, посчитали, что их присутствие излишне.

Когда я, вопя благим матом, ворвался в палату, там было пусто. Беременная госпожа Лямур, она же Арабелла Белкина, она же Белка, она же прима театра «Фантазия», отсутствовала, чем несказанно удивила обоих усатых городских, соизволивших наконец оторваться от миловидных дежурных сестер и заглянуть следом за мной в палату. Окно было распахнуто настежь.

– Да вы... мерзавцы... хоть знаете, что с вами будет?.. Мартынов же вас... к египетским богам и... сгноит!..

Половину слов я проглатывал, но не потому, что боялся оскорбить утонченный слух проштрафившихся, а исключительно в силу глубочайшего возмущения некомпетентностью тех, кто призван охранять и защищать, и даже получает за это регулярное жалованье. Городовые вытянулись во фронт и всем своим видом показывали, что во всем раскаиваются.

– Ваше высок... родие... Она же только что... здесь... клянусь моими детьми!..

– Мо-о-олчать!

Я заорал так громко, что даже закашлялся. Нет, все же прав Серафимов и подобные ему социалисты-утописты: нашего человека никак не заставить делать то, чего он делать не желает. Вот только вывод известный анархист делал неправильный. Он считал, что достаточно все отобрать и у богатых, и у бедных да поделить поровну. Мол, получится все по справедливости. А на самом-то деле кто-то ухватит больший кусок, чем сосед. И все вернется на круги своя.

– Когда проверяли палату в последний раз? Не врать!

– Десять минут назад, может, пятнадцать, – трясаясь от страха за последствия, ответил один из городских. – Да коридор насквозь виден, никто мимо нас не проходил, клянусь! В окно она сиганула, точно вам говорю, ваше высокородие!

– Десять – пятнадцать, говоришь?! – Значит, стоило брать в расчет все полчаса, а то и час. Но про коридор он не врал, проскользнуть мимо сестринского поста незамеченным было сложно. Да и окно в палате оказалось открыто настежь, что косвенно подтверждало его гипотезу. Вот только четвертый этаж... пожалуй, тут не сиганешь – разобьешься.

– И ты хочешь мне сказать, что беременная пациентка, даже если пришла в себя, то сумела спрыгнуть с такой высоты? При этом не привлекла ничьего внимания, удачно приземлилась, не покалечившись, и преспокойно скрылась в больничной одежде?!

– Но коридор просматривается насквозь...

– Это я уже слышал. Закрывать рты и быстро проверить здание! Возможно, она еще где-то внутри. И никакого насилия! Слышите? Брать в целости и сохранности, словно хрупкий сосуд! Вопросы?!

Но городских уже и след простыл, только слышался топот подкованных сапог на лестнице и громкие, отрывистые свистки, призывающие постовых с соседних участков.

Спустя полчаса нерадивые охранники, старательно отводящие глаза, доложили о результатах. Разумеется, пациентку найти не удалось, выяснили только, что несколько прохожих видели молодую женщину в больничной одежде, остановившую пролетку и уехавшую на ней в неизвестном направлении. Белла сбежала.

Лично явившийся по вызову Семенов раздраженно сплюнул, только завидев меня издали.

– Бреннер, а знаешь ли ты, что со вчерашнего вечера объявлен пропавшим без вести?! Все силы брошены на твои поиски, я даже отсюда своих людей снял. Тебя считают похищенным или убитым, но никак не разгуливающим целым и невредимым на свободе!

– Твоими молитвами, риттер.

– Может, объяснишься?

– Не до того. Вот бумага. – Я сунул княжеский листок под нос Семенову. – Отчитываться мне предстоит перед другими людьми.

– Эх, Бреннер, давно я тебя знаю, но в такие переделки ты прежде не ввязывался. Ты знаешь, что твой дом обстреляли и подожгли? Его едва потушить успели! А когда я осматривал место происшествия, то обнаружил на улице не меньше трех тысяч стреляных гильз. Трех тысяч! Кому это ты так насолил?

– Значит, дом все же уцелел? – улыбнулся я. – Хорошая новость. Надеюсь, стрелков объявили в розыск?

– Еще бы! Их видели многие. Одеты словно колонисты: плащи, шляпы, оружие опять же не местное. Они же часом раньше учинили бойню в «Трех сестрах». На кого они охотились, мне неизвестно, но там только убитыми больше десяти человек да еще десятка три раненых...

– Знаю, – кивнул я, – присутствовал. Подтверждаю: это те же самые стрелки, из одной группы...

Семенов только покачал головой, слов он не находил.

– ...Цель покушения я назвать не могу – государственная тайна, сообщу лишь, что им не удалось его уничтожить, но они обязательно попытаются сделать это еще раз при первом же

удобном случае. Удалось узнать, откуда они взялись в нашем городе?

– Кое-что выяснили. Три дня назад в порт прибыл трансатлантический лайнер «Британник». Кажется, наши стрелки оттуда. Сейчас мои люди проверяют списки пассажиров. Если повезет, найдем, где они остановились, или хотя бы узнаем имена.

– Кинь на это дело всех, кого можно. Это приказ. Барон-капитану скажи: личный приказ великого князя. Бумагу с моими полномочиями ты видел. Ничего важнее этого дела сейчас нет. Я, кажется, ранил вчера одного...

– Все следы на улице смыл дождь, в том числе и кровь, если она была. Тела мы не нашли. Так что, если ты прав, они забрали его с собой. Значит, им понадобится доктор! Попробую поискать и в этом направлении.

Я подумал, что после выстрела из «дырокола» скорее понадобится плотник, но спорить не стал. Пусть ищут. Возможно, стрелка лишь слегка зацепило, ведь стрелял я из «дырокола» впервые и вполне мог промахнуться.

– Семенов. – Я подошел к нему вплотную и заговорил тихо-тихо, чтобы слышать мог только он: – Повторяю, это дело государственной важности. Я чую большие неприятности. Так что уж постарайся, отыщи их! А сбежавшую девушку пока оставь в покое. Не до нее. Хотя на всякий случай можно послать человека к ней домой, но я сомневаюсь, что она там появится. Мартынову передай, что я буду держать его в курсе дел.

– Ага, – невесело ухмыльнулся Семенов. Усы его грозно топорщились, а старый боевой шрам через левую щеку превращал лицо в страшную маску. – Так прямо и будешь все новости докладывать? Первым делом сразу после утреннего кофе? Тебе, Бреннер, никакого доверия нет!

Я успокаивающе похлопал его по плечу и покинул приют. Теперь мне следовало нанести еще один визит. Мой наниматель – великий князь – не простил бы, если бы я дольше необходимого держал его в неведении.

Без брошенного вчера на произвол судьбы мехвагена было неудобно, пришлось опять брать пролетку. Лошадка семенила по мостовой, я злился – дел было невпроворот, но через полчаса мы все же добрались до великокняжеской резиденции. Я щедро расплатился с извозчиком – все равно спишу эти средства на необходимые расходы – и направился к знакомым воротам.

На этот раз пропустили меня без лишних вопросов, и через несколько минут мне навстречу уже спешила неразлучная парочка: Жуков да Вульф. Едва взглянув на их мрачные, серьезные физиономии, я сразу почувствовал неприятности.

– Бреннер! Мы вас обыскались! – Руки ни один из них мне не протянул.

– У себя? – поинтересовался я, многозначительно кивая в сторону особняка.

– Ожидает, – кивнул Жуков. – Недоволен. Наслышан о перестрелке. Волнуется. Надеюсь, вы с хорошими новостями?..

Я не удостоил его ответом. Нужно было лучше охранять великокняжеского сына, тогда, глядишь, и с остальным сложилось бы иначе, да и дом мой мог бы остаться цел.

Как и в прошлый раз, Жуков и Вульф проводили меня лишь до нижнего холла и передали Паркеру, который повел меня дальше.

Великий князь поднялся мне навстречу. Сегодня выглядел он уставшим и словно бы постаревшим лет на десять, а его красные глаза и слегка заторможенные движения говорили, что эту ночь он не спал.

– Он жив? – Князя интересовал только этот вопрос.

– Жив и здоров. Находится в надежном убежище. Думаю, в ближайшее время ему ничто не угрожает, а полиция уже бросила все силы на поиск тех, кто организовал покушение.

Князь порывисто обнял меня и сказал:

– Благодарю вас, Бреннер. Знаю, это вы спасли его. Я этого не забуду!

– Ваше высочество, вы для того меня и наняли – решать проблемы вашего сына.

– Ну, говоря по совести, вы должны были лишь убедить кое в чем девушку, а не воевать в том кабаке. Так что благодарю еще раз – от всего сердца!

– Мой дом подожгли, – поделился я с князем собственной печалью.

– За это не переживайте. Восстановим, будет лучше, чем прежде. Разумеется, сумма на ремонт будет выплачена сверх вашего гонорара!

Жаль, что я не мог потребовать гарантий, а стоило бы. На моей памяти частенько случалось, что спустя очень короткое время, как только все успокаивалось, некоторые люди совершенно забывали о данных в пылу страстей обещаниях. Кое-кто даже отказывался платить по счетам. Нет, я и в мыслях не держал, что великий князь нарушит данное слово, но все же дополнительные гарантии мне бы не помешали. Или чек на нужную сумму, подписанный и переданный в полную мою собственность. Ничего меркантильного я в подобных рассуждениях не видел. Всем необходимо на что-то жить, а мне еще требовалось близняшек кормить. И кота.

– А теперь рассказывайте все в подробностях! – приказал Платон Александрович. Его голову занимали совсем иные мысли, о моем несчастном доме он и не думал.

Доклад не занял много времени. Я был уверен, что Мартынов и так уже передал князю всю собранную полицией информацию. Я коротко поведал о перестрелке в ресторации-кабаре, о разгроме моего дома, о тайном ходе, через который мы сумели бежать, но о том, где именно я оставил Костаса, не сказал ни слова, а князь и не спрашивал – умный человек!

Платон Александрович слушал меня внимательно, лишних вопросов не задавал, и вообще, как только он узнал, что с его сыном все в порядке, успокоился и вновь казался собранным, готовым к любым битвам. Благородная кровь!..

– Как вы полагаете, у кого хватило смелости решиться на подобное покушение? – спросил он, когда я замолчал.

– Этого я пока не знаю, даже догадки строить не могу, слишком мало информации, – честно ответил я. – Но покушение на члена императорского дома – это слишком серьезное событие, такое не происходит спонтанно, к этому готовятся многие месяцы. Нам повезло, что все обошлось.

– Они могут и повторить попытку, – задумчиво произнес Платон Александрович. – Я распорядился усилить городские патрули и охрану особняка. Вы уверены, что Константину будет лучше в вашем убежище, а не дома? При нынешних-то условиях?

– Совершенно уверен. Если Константин Платонович поступит разумно, как мы с ним договорились, и не сунется в одиночку в город, то гарантированно пересидит все беспокойные дни там. Об этом месте никто не знает.

– Хорошо, я вам доверяю и не буду настаивать на своем предложении. Вам что-то потребуется для дальнейшей работы?

– Тот мехваген, который вы мне вчера предоставили... мне пришлось бросить его на улице...

– Ерунда, можете пользоваться моим гаражом, конюшней, а также оружейной без ограничений. Если хотите, дам вам в помощники Жукова и Вульфа. Они люди опытные и

опасные.

– Думаю, будет лучше, если они займутся охраной вашего высочества, – отделался от рыцарей я, – да и мне одному гораздо привычнее.

– Как знаете, – не стал спорить князь.

В этот момент переговорник на его столе задремал. Князь ответил на вызов, коротко выслушал информацию и сообщил:

– Это был Мартынов. Его люди вышли на след стрелков!..

Когда мы с Жуковым и Вульфом подъехали на место – а порученцы князя все же увязались следом за мной на задержание стрелков, – то увидели, что нужный дом и весь квартал уже оцеплены. Задействованы были все свободные городовые, рассредоточенные по периметру так, чтомышь не проскочит, но прятавшиеся при этом настолько ловко, что умудрились не встревожить обитателей квартала, и отель «Калина», где укрылись стрелки, сохранял спокойствие и безмятежность.

Мой знакомец риттер Семенов только тяжело вздохнул, в который раз за эти дни приметив мою надоевшую ему до чертиков физиономию.

– Докладывай! – потребовал я. А что – имел право! Ведь бумагу за личной подписью великого князя у меня никто не отнимал, и я являлся в данный момент таким главным начальником, которому должен был бы подчиняться даже сам барон-капитан Мартынов, взбреди мне в голову идея им покомандовать. Вот только я, разумеется, до крайней черты не дошел бы – мне еще жить и жить в этом городе, а княжескую бумагу рано или поздно обязательно отберут.

– Мы проверили списки пассажиров корабля, – начал Семенов. – Среди прочих обнаружили группу колониальных инженеров, якобы прибывших для помощи в строительстве унтербана^[4]. Судя по описанию, полученному от стюардов, это и есть наши стрелки. Мои люди проверили все гостиницы, и в отеле «Калина» нам повезло: портье признал подходящих под описание постояльцев. Сейчас стрелки отдыхают в номерах и нападения не ждут. Будем брать мерзавцев!

– Как-то все слишком просто, – не поверил я, внимательно выслушав доклад Семенова. – Они настолько глупы, что не сумели надежно спрятаться в городе? Мне это не нравится.

– А почему нет? – удивился риттер. – Фридрихсград большой, легко затеряться, но стрелки не сообразили, что слишком уж выделяются среди прочих и одеждой, и манерами, и чужеземной речью. Это все равно что выследить черную ворону в стае белых голубей. Дело времени.

– Сколько их внутри?

– По спискам, десять человек.

– Значит, все-таки десять... – Все сходилось: двое напали на кабаре, а после, когда мы с Костасом столь удачно оттуда скрылись, еще восемь стрелков атаковали мой дом. Я сосчитал их, когда разглядывал из окна. Итого десять. Одного из них я, кажется, ранил или даже убил. Надеюсь, осталось девять.

– Мы собрали здесь всех, кого только можно, – продолжил Семенов. – Операции придан приоритетный статус. Приказано брать живыми или мертвыми.

– Обстановка? – спросил я.

– В отеле тишина. Портье уже сменился, новый ничего не знает, поэтому ведет себя естественно. Помимо стрелков в «Калине» еще около сотни гостей. Тех, кто выходит на улицу, обратно мы не впускаем. Но церемониться не будем, даже если стрелки возьмут заложников, есть приказ любой ценой произвести арест.

– А чего ждем? Кто осуществляет руководство?

– Пока главный тут я, но с минуты на минуту должен приехать барон-капитан, он лично

будет руководить захватом.

– Думаю, ждать его не стоит. Чем больше времени мы теряем, тем больше шанс, что стрелки обо всем пронюхают. И тогда будут потери, большие потери. Я сталкивался с этими людьми два раза и только чудом уцелел.

– Если ты, Бреннер, силой своей чудо-бумаги отдашь приказ, я готов штурмовать хоть сейчас. Но исключительно под твою личную ответственность.

Я взвесил все «за» и «против». Ох, как же я не любил брать на себя ответственность, тем более в таком важном деле, где расплатой за неудачу могла оказаться собственная жизнь, не говоря уж о свободе. С другой стороны, есть сотня ни в чем не повинных постояльцев «Калины», которые не должны пострадать.

Что-то мне во всей этой истории не нравилось, да так сильно, что я всей кожей чувствовал какой-то подвох, только никак не мог понять, в чем именно он заключается. Слишком уж просто, даже незатейливо люди Семенова вышли на стрелков. Да, чужаки выделялись среди горожан, но все же... они ведь настоящие профессионалы, неужели не сообразили, как лучше раствориться в миллионном городе?..

И все же после некоторых размышлений и сомнений я счел, что самый лучший выход в данной ситуации – немедленная атака.

– Начинай, – приказал я. – Общий штурм!

Семенов не заставил просить себя дважды. Он резко взмахнул рукой, и тут же к отелю двинулись его риттеры. Они были вооружены по последнему слову военной техники. К сожалению, «дыроколы» в стандартный набор не входили. Интересно, где Костас раздобыл столь убойную машинку? А не умыкнул ли он попросту прототип из императорской лаборатории? Иначе как объяснить, что подобная вещь попала ему в руки?..

Риттеры в мгновение ока заняли первый этаж «Калины». Городовые и полицейские, присланные в помощь, держались чуть позади. Их задача заключалась в эвакуации постояльцев и персонала, лезть же под руки риттерам они не осмеливались.

Я вдруг подумал, как было бы здорово, если бы в комплект снаряжения риттеров входили такие миниатюрные переговорники – это значительно облегчило бы задачу командира по управлению группой, но и без них Семенов со своими обязанностями отлично справлялся.

Отель «Калина» насчитывал три этажа – порядка пятидесяти номеров. Наши стрелки как раз и облюбовали третий – самый верхний этаж, выбрав несколько смежных комнат в дальнем конце коридора.

Я прекрасно их понимал. Рядом с крайним номером был пожарный выход, да и длинный коридор хорошо просматривался. Если занять удачную позицию, то можно без проблем контролировать единственный проход. Тем более что «томми-ганы» способны мгновенно покрыть свинцовым дождем все вокруг.

Сейчас пожарный выход со стороны улицы перекрыли полицейские, как и все прочие возможные пути к отступлению. Так что деваться стрелкам было некуда.

Нижний этаж риттеры профессионально осмотрели за несколько минут. Портье и вскрикнуть не успел, как его вытащили из-за стойки и увели в безопасное место. Городовые хватали постояльцев под руки и выводили на улицу, всячески стараясь производить при этом как можно меньше шума. Некоторые господа пытались протестовать, но пара крепких тычков под ребра утихомиривала даже самых скандальных особ – дело государственной важности, тут не до сантиментов. Потом будут многочисленные жалобы от почувствовавших

себя оскорбленными постояльцев. Но это будет потом, да и меня это, к счастью, уже не коснется.

Мы с Жуковым и Вульфом держались за основной группой. Семенов же руководил операцией, находясь в первых рядах.

Еще восемь минут понадобилось, чтобы взять под контроль второй этаж, но тут не обошлось без неприятностей. Одна дама средних лет, застигнутая в номере вместе с молодым любовником, внезапно подняла такой крик, что слышно ее было по всему отелю. Даму постарались утихомирить, но куда там – она орала, словно пожарная сирена, и заставить ее замолчать удалось, только сунув кляп в рот.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Риттер – рыцарь, в данном случае также офицер низшего и среднего звена. – *Здесь и далее примеч. автора.*

От нем. Adler – орел.

От нем. Artikel – статья.

Сокр. от *нем.* Untergrundbahn – метро.